

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Варвара Еналь

#ПТИЦА И ОХОТНИК

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Варвара Николаевна Еналь

Птица и охотник

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48442114*

Птица и охотник: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117369-2

Аннотация

Девушку-рабыню Нок, предназначенную для продажи в храм богини любви Набары, покупает странный господин, от одного взгляда которого стынет кровь в жилах. Будущее, ранее казавшееся таким простым и понятным, больше не принадлежит Нок. Теперь она должна вместе с хозяином покинуть приморский городок, в котором выросла, и отправиться в путешествие по опасным землям и заброшенным городам. От кого они скрываются, что преследуют – все это остается для нее загадкой. Но, быть может, именно в этом удивительном странствии Нок найдет ответы на самые главные вопросы – кто она и кем ей суждено стать.

Содержание

#1. Нок	5
#2. Нок	11
#3. Нок	19
#4. Нок	31
#5. Нок	41
#6. Нок	49
#7. Нок	58
#8. Нок	69
#9. Нок	79
#10. Нок	83
#11. Нок	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Варвара Еналь

Птица и охотник

© Варвара Еналь, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019 В оформлении использованы материалы,

*** * ***

#1. Нок

Холодная вода брызнула на пальцы ног Нок. Полное ведро слегка качнулось на краю колодца, но девушка уверенно взялась за гладкую железную ручку и опустила тяжелую носу вниз.

Едва рассвело, и солнце все еще путалось в нижних ветвях шелковицы. Той самой, на которой обычно сидел Еж, собирая ягоды на компот для мамы Мабусы. Нок и сама столько раз забиралась на удобные развилки дерева, чтобы полакомиться спелыми плодами.

Совсем скоро она окажется далеко отсюда и не сможет больше видеть это дерево. Еж, конечно, будет приходить к шелковице и может даже приведет туда Травку. Но Нок на постоянный двор мамы Мабусы не вернется. Настало новое время для нее. Шестнадцать лет... в этом возрасте девочек покупают в храм Набары – богини любви. Именно для этого растила ее мама Мабуса.

Нок исполнилось шестнадцать лет два двойных полнолуния назад. И жрец Дим-Хаар из храма духов Днагао торжественно нанес новую татуировку на ее плечо. Маленький красный цветок с желтой серединой. Шесть таких цветков длинным рядом поднимались по плечу левой руки. Это означало, что Нок – девственница, что никто еще не просил и не получал ее любви. Свою невинность девушка подарит боги-

не Набаре в ночь полнолуния Маниес на праздник Золотых колокольчиков. Уже совсем скоро.

А пока... Пока нечего прохлаждаться и любоваться лучами взошедшего солнца. Впереди еще много работы, день только начался, и мама Мабуса не похвалит Нок за то, что та слишком долго отмывала главный зал постоялого двора. За дело!

Ведро весело скрипнуло, когда девушка одним взмахом разлила воду на деревянный пол. Прозрачные струи побежали по темным доскам, унося с собой грязь и мусор. Вчера здесь было шумно илюдно. Как, впрочем, и каждый вечер.

По широким каменным ступенькам крыльца поднялся Еж – десятилетний лохматый мальчик, худой и смуглый. В руках он нес две большие щетки с длинными деревянными ручками.

– Да будут духи милостивы к тебе, Нок, – бесстрастно сказал он, – сделаем дело и смотаемся к морю. Ужасно хочется искупаться. Видать по всему, день будет жаркий.

– Кажется, да. Солнце побелело, еще даже не поднявшись над шелковицей. Мама Мабуса встала? Или еще спит? Не видел?

– Она уехала. Сегодня же караван приходит, а она непременно желает присмотреть себе новую Нок.

Нок – это прозвище для красивых девочек, которых покупают у синебородых торговцев, что приходят со стороны Одиноких королевств. Таких девочек растят специально для

храмов богини любви. После десяти лет их проверяют жрицы и разрешают нанести первую татуировку – цветок девственности. Каждый год по цветку. Шесть цветков до шестнадцати лет.

И если по достижении этого возраста юная Нок оказывается годной, здоровой и красивой, ее за большие деньги покупают в храме Набары. Это хорошее будущее, гораздо лучше, чем всю жизнь работать на плантациях или чистить рыбу на рынках.

При мысли о рыбе Нок передернуло. Она откинула на спину длинные черные косы и схватилась за щетку. Серебряные и медные колокольчики на ее тонких ножных браслетах тихонько звенели в такт шагов. Влажные доски под босыми ногами ворчливо скрипели. Где-то вдали, над пляжем, разносились крики чаек, ссорящихся, как всегда, из-за рыбы.

Еж вытирал столы и поднимал на них деревянные табуретки. Ежа мама Мабуса тоже купила в одном из караванов. Ей нужен был помощник, а лучше всего тот, которого вырастить сама. Так считала мама Мабуса.

– Всему надо учить лично, чтобы потом не переживать, если придется послать помощника за товаром на рынок. Я вот точно знаю, что Ежик наш не упьется рисовой stylou и мне не придется искать его под столами, – любила приговаривать она и широко улыбалась при этом.

Постоялый двор мамы Мабусы назывался «Корабль». Просто и понятно. Каждый вечер сюда приходили удачливые

капитаны и рыбаки, имеющие не одну лодку и могущие позволить себе стаканчик-другой стылой или пару кружек ячменного пива.

Считалось, что деревянный корабль – маленькая статуэт-ка у входа на постоянный двор – приносит удачу. Потому каж-дый входивший норовил прикоснуться к вытянутому буш-приту, провести рукой по нему и бросить медную монету на борт корабля. Монету на удачу... Каждый знает, как нужна удача моряку, отправлявшемуся в путь.

А «Корабль» – да хранят его духи Днагао – мог приносить такую удачу.

– Ладно, будет время – искупаемся, – сказала Нок. – И Травку с собой возьмем. Сегодня отходит «Бриз», не забыл? Я бы посмотрела на это. Говорят, он отправляется к диким берегам Королевских островов за слоновыми бивнями.

– Говорят? Он на самом деле туда отправляется! – воскликнул, чуть усмехнувшись, Еж. – Я вчера приносил круж-ки с пивом его капитану и все слышал. Большие деньги, должно быть, заработают. По слухам, он продает разные штучки из слоновых бивней даже в Меисхуттур.

– Кто же там их покупает? В Меисхуттуре живут только баймы, а они – как свиньи, и только могут, что убивать, – хмыкнула Нок и решительно задвигала щеткой под столами.

– Это не наше дело. Кто бы там что не покупал. Лишь бы удача всегда была на стороне торговцев и рыцари Ордена Всех Знающих не добрались до наших мест.

– Да хранят нас духи от этого, – отозвалась Нок.

Тяжело ступая по каменным ступеням, в зал поднялась полная темноглазая женщина с коралловым ожерельем на груди. Лицо ее лоснилось от пота, убранные в толстую косу черные волосы, переплетенные бисером и серебряными лентами, доставали до пояса.

– Что, бездельники, языками треплете? – добродушно спросила она.

Голос мамы Мабусы, низкий, но гулкий, казалось, заполнил зал. Нок встрепенулась, сложила ладони вместе и наклонила голову вперед. Девочки всегда склоняют голову перед теми, кто их покупает.

– Смотрите, кого я привела. Теперь у нас будет новая Нок. Ты понял, Еж? Тебе придется учить ее хозяйству. Работа простаивать не должна, девочки и мальчики. Работа никогда не должна простаивать.

Из-за спины мамы Мабусы выглянуло невысокое, худенькое создание. Темноволосая глазастая девочка лет десяти, босоногая, в холщовой грязной робе. Щиколотки покрывала засохшая грязь, щеки – пыль и разводы от слез. Запястья такие худые, что, кажется, не выдержат ни одного браслета.

– Да-да, – снова заговорила мама Мабуса, – худющая и страшная, но не спрашивайте, почему я ее купила. Удивительно, как эту девчушку не отобрали рыцари Ордена. Видать, глупой им показалась. Обычно они отбирают самых страшненьких. Мол, негоже людям гордиться своей красо-

той, гордость – это страшный грех. А я вам так скажу, дети. И ты слушай, малявка. – Мабуса легонько щелкнула по голове только что купленную девочку. – Девушке только и гордиться, что своей красотой. Чем же еще ей гордиться? Если девушка страшна, как красная лихорадка – не про насие сказано, – это проклятие духов. Поверьте мне. Видать, прокляли девушку или родители, или недруги родителей. И надо идти к жрице либо к старой ведунье – вот как наша Хамуса, – чтобы снять проклятие. Мужчина гордится своей силой, своей мощью и своим умом, возможностью принести добычу в дом и умением провести свой корабль к пристани. А женщина хороша своей красотой. И еще умением давать любовь мужчине. А как брать любовь у той, которой и в глаза-то посмотреть страшно? Разве что выпить больше стылой... и место такой девушке на рыбных рядах, где вонять от нее будет рыбьими потрохами и кровью. Помяните мое слово, дети.

Мама Мабуса любила поучать. Голос ее гремел под деревянными балками зала, точно водопад на Песчаной косе. Новенькая девочка жалась к стене и дрожала. Еж проворно ворочал стулья, а Нок, не оглядываясь, работала щеткой. Когда мама Мабуса говорит, их дело слушать и не отвлекаться, а то можно заработать щелчок по голове. Дело всегда должно делаться...

#2. Нок

У мамы Мабусы все было большим. Глаза, губы, грудь. Широкие плечи и крупные ладони. Она была крупной женщиной, и от звука ее низкого зычного голоса брехливые дворовые собаки разбегались, а ленивые голуби срывались с крыши Корабельного двора (так еще называли таверну «Корабль»).

Даже блестящие коралловые бусины в ожерелье мамы Мабусы отличались значительным размером. Блеск этих кораллов казался Нок похожим на блеск опускающегося в воду солнца. Когда женщина говорила, девушка смотрела только на бусины. Выше поднять глаза не осмеливалась.

– Поведешь новенькую девочку на Песчаную косу да искупаешь ее как следует. Волосы ей отмоешь, ноги, – наставляла мама Мабуса Нок, пока та заканчивала уборку зала, – но сначала в храм духов Днагао. Козленка в жертву я сама принесу на полную Аниес. А ты возьми кружку пшеничных зерен и еще веночек сплети. Мальва, наверняка, уже вовсю цветет. Скажешь Дим-Хаару, что это наша новенькая Нок. Пусть он насыпет на алтарь зерен в честь нее и призовет духов. И пусть проведет белой глиной по ее лбу, чтобы показать, что она – моя Нок.

Девушка кивнула. Сложила ладони вместе и склонила голову:

– Хорошо, мама Мабуса. Все сделаю.

– Вот и пошевеливайся. Только пусть сначала Еж наносит хвороста, чтобы повар не ругался, как вчера, что печь ему топить нечем. Помогите мальчишке обе, нечего тут глаза таращить.

Нок кивнула и тут же кинулась за хворостом. Уже сбегая по выщербленным ступеням запасного выхода, ведущего в огороженный деревянным плетнем двор, она услышала, как мама Мабуса строго велела новенькой:

– Ступай следом. Руки-ноги есть, знать хворост должна уметь таскать. Топай, топай. После старшая Нок даст тебе холодных лепешек и сухих вишен. Натрескаешься еще, успеешь. Есть вы все горазды, и куда только лезет в вас...

Большие вязанки хвороста вовсе не были тяжелыми. Неудобными – это да. Но таскать их – не работа. Так, беготня. Повар – лысый, щекастый Тинки-Мэ уже стоял на низеньком крыльце кухни, тоже выходявшем во внутренний двор, и лениво почесывал большой живот.

Круглая печь с черным зевом, обращенным к яркому лазурному небу, жаждала начать новый день. Совсем скоро Тинки-Мэ бросит на ее внутренние бока круглые ровные лепешки, и аромат свежего хлеба наполнит двор.

Но они – Нок, Еж и новенькая девочка – подкрепятся холодными вчерашними лепешками. Им некогда ждать, когда повар протопит печь и замесит тесто. Пока жара не накалила улицы города, а песок на косе не стал обжигающе горячим,

надо торопиться. Чтобы успеть к полудню – в полдень общая молитва за процветание, и все домашние рабы обязаны быть на ней.

Нок заскочила в круглую деревянную хижину с соломенной крышей, достала из-под застеленной цветастым покрывалом кровати сандалии с деревянной подошвой и нанизанными на кожаные ремешки крашеными деревянными бусинами.

Травка, видимо, только что проснулась. Она терла глаза и пыталась убрать со лба спутанные волосы. Ей едва сравнялось пять лет, но росточком девочка явно не вышла и выглядела значительно младше.

– Кто это? Еще одна Нок? – с опаской спросила за спиной новенькая.

Голос у нее оказался звонким и нежным. Наверняка умеет хорошо петь – мама Мабуса такие вещи сразу распознает. Девочка с хорошим голосом и слухом в храме Набары будет пользоваться особенным успехом. А потому и продать ее можно за большие деньги.

– Нет, это Травка. Она все время молчит.

Утренние лучи проникли через дверной проем в сумрачную хижину и упали на лицо пятилетнего ребенка. Суровое, неприятное лицо. Почти черные глаза, твердо сжатые тонкие губы и нервно подрагивающий небольшой нос с узкими ноздрями. В ноздре блеснуло медное колечко – знак принадлежности к храму духов Днагао.

Травка принадлежала храму. Всегда. Была рождена там, посвящена с младенчества. Но растить ее выпало Нок. Так легли пророческие кости в руках Главного жреца. И вот уже два года Травка жила в маленькой хижине. Она была молчаливой, медлительной и странной. Странной до леденящего душу ужаса. Она то начинала хрипло кричать ночами и биться об пол, то смотрела вот так, серьезно и пронзительно, будто не глаза у нее, а черный камень, из которого сделан жертвенник в храме духов Днагао. Холодный, непроницаемый камень.

Травка не говорила. Вообще. Ни одного слова. Кричать – да, кричала, когда хватала ее падучая. Билась головой об пол. И помогало тогда только одно – прижать ее изо всех сил к полу, руки, ноги, и шептать на ухо древнее заклинание, которому научила Нок ведунья Хамуса.

Мама Мабуса ругала Травку и называла проклятой девкой.

– Чего это жрецы удумали? И что за напасть такая? А если она больна и передаст нам заразу? – ворчала она. Но выгнать Травку не решалась. Кто же осмелится ослушаться жрецов? Воля жрецов – это воля духов.

Нок сунула Травке в руки кусок лепешки и кинула на колени малышки деревянные бусы. Это займет ее надолго. Травка любит гладкие бусины, перебирает их в сумраке хижины. И медленно поедает лепешку. Ест она совсем мало, потому ручки и ножки у нее тонкие, точно палочки. Зато

глазищи на пол-лица. Глянет – и сердце стынет.

– Вот теперь пойдем, – сказала Нок и перевязала концы своих кос тонким зеленым шнурком с бусинами. Браслеты на ее руках при этом тихонько звенели.

– Зачем тебе столько браслетов? – спросила новенькая девочка, когда они бодро шагали по тенистой улице, гладким темными камням мостовой, поднимаясь на городской холм.

– Ты ничего не знаешь о браслетах? – удивился Еж. – Ты же из Верхнего королевства. Там тоже стоят храмы духов Днагао. А в них должны святить браслеты-обереги. Чтобы духи не убили тебя и злые люди не сглазили. Браслеты есть у всех, и у меня тоже. – Мальчик вытянул руку вперед и показал кожаные ремешки, украшенные медными позеленевшими бляхами.

– У меня был амулет, – тихо ответила новенькая.

Она провела рукой по груди, точно желая убедиться, что амулет все еще там, и добавила:

– Рыцари Ордена сняли его с меня. Сказали, что все мы мерзкие идолопоклонники. Сестра моя осталась у них и два брата.

– Сколько дождей было сестре? – спросила Нок.

– Восемь. Она младше меня. Нас у отца десятеро. Шесть девочек и четверо мальчиков. Отец задолжал магу нашего удела, вот он и продал нас рыцарям. У него еще остались старшие мальчики, которые обрабатывают поле и охотятся.

– Так всегда делают. Хвала духам, что тебя не оставили

у рыцарей. Иначе выбрали бы тебе все волосы, одели бы в длинную темную юбку и заставили бы всю жизнь работать на чужих людей. И ты бы никогда не узнала, что значит отдавать свою любовь мужчинам. Потому что для рыцарей это страшная мерзость, как и наши храмы.

– Говорят, что у них в храмах Всех Знающих холодно и страшно, – осторожно заметил Еж.

– Там не страшно, – ответила новенькая, – но холодно. И много работы. Я видела, как люди трудятся на полях.

– Ну, работы много и тут. Вот попала бы ты к торговцу рыбой, так узнала бы, что по чем. Целый день чистить рыбу – это тебе не хворост повару таскать, – пояснила Нок.

– А куда мы сейчас идем?

– В храм духов Днагао, как мама Мабуса велела.

– Вы хорошо знаете дорогу туда?

– Как говорит жрец Дим-Хаар, тут все дороги ведут в храм, потому ты никогда не заблудишься. Просто поднимайся вверх по любой улице и непременно придешь.

Узкая улочка с теснившимися друг возле друга домиками из разноцветного глиняного кирпича внезапно повернула вправо и оборвалась. Перед детьми открылась просторная площадь, залитая ослепительными лучами солнца. Ларьки, лавки, палатки и многочисленные подводы с лошадьми заполняли ее так плотно, что рыжая, не мощная земля, утоптанная копытами лошадей и ногами людей, едва проглядывала. Кричали женщины, нагло торгуясь и возмущаясь, зазы-

валы нахваливали товар, толстые купцы оглядывали людей, невозмутимо щурясь и высоко задирая синие бороды.

Нок знала, что купцы красят бороды семенами вохи – дикой степной травы. Это знак принадлежности к Торговой гильдии, что давало возможность торговать не только в Одиноких королевствах и на землях Свободных Побережий, но и гораздо дальше, до самой Благословенной Земли Суэмы.

Нок тихо пояснила новенькой:

– Это рынок, сюда тебя будет посылать мама Мабуса. Еж покажет тебе все, что ты должна покупать и где. Основное закупает повар Тинки-Мэ, но зелень, лук, чеснок и приправы иногда придется покупать и тебе. А еще сметану у Носи – у нее лучшая сметана на рынке, и она обязательно оставляет кувшин для мамы Мабусы.

Людей здесь всегда была пропасть. И загорелые до черноты моряки с большими круглыми сережками в ушах, с заплетенными в тонкие косички бородами и с цветастыми платками на шее. И жители Королевских островов с кучерявыми головами и широкими носами. На их бедрах висели загнутые сабли, украшенные золотом и нефритом. Попадались даже высокие светловолосые суэмцы в расшитых бисером рубахах и темных брюках. Говорили, что они не строят храмов и не признают власти ни духов Днагао, ни Ордена Всех Знающих. Ходили даже слухи, что у суэмцев есть повозки, которые умеют двигаться без лошадей, и свечи, которые горят и никогда не сгорают. Много чего чудесного рассказывали об

этом народе, но мало ли чего болтают люди...

Сразу за рынком начались стертые, осыпающиеся ступени, уходящие вверх на холм. По краям храмовой лестницы росли кипарисы и можжевельник, а потому, несмотря на жару, тут пахло кипарисовыми шишками, можжевельниковыми ягодами и – совсем немного – морем. Это легкий бриз приносил соленые запахи на вершину холма.

– Мы пришли, – выдохнул Еж, вытирая рукой лоб, – вот он, храм духов Днагао.

#3. Нок

Остроконечные крыши храма и храмовых построек сияли на солнце ярким красным цветом. Как любила рассказывать мама Мабуса, черепицу обжигали и покрывали глазурью специально обученные жрецы, чтобы она была багровой и блестящей. Переплет окон, окрашенный в насыщенный синий цвет, гармонировал с синими деревянными колоннами, увитыми цветочными гирляндами.

У ворот грозно поднимали головы деревянные фигуры зменграхов. Вытянутые зубастые пасти, маленькие глазки, раскрашенные оранжевым цветом... Зменграхи были мелкими драконами. Духи, которые им покровительствовали, считались злыми и опасными, потому этих духов задабривали специальными деревянными и медными браслетами.

У Нок на правой руке был один такой, медный, с длинной змейкой и двумя знаками, обозначающими слово «зменграх». Еж носил такой же браслет. За них мама Мабуса заплатила сущие гроши.

Никто не осмелится впустить в дом человека, если у него не будет на руках охранных браслетов. Кроме разве что людей с Королевских островов, чьи короли – а их было не мало – признавали только своих духов и своих вещателей. И еще загадочных суэмцев, которые вообще не поклонялись духам.

Вот потому Нок и Еж привели новенькую в храм: чтобы жрец провел белой глиной по ее лбу, насыпал на алтарь зерен, произнося ее имя, и надел на руку охранные браслеты. Хотя бы парочку браслетов – от зменграхов и падучей.

Странно, конечно, что Травке обереги ни капельки не помогали, и если уж у нее начинался припадок, то остановить его можно было только прижав девочку к полу и прошептав заклинание. Но это не всегда действовало и тогда – прощай спокойная ночь. Приступы у Травки случались только по ночам.

Поднявшись по деревянным, выкрашенным в ярко-желтый цвет ступеням, Нок шагнула в сторону, пропуская огромную крысу. Еж торопливо поклонился. Крысы считались священными животными, потому что ими питались зменграхи. Одни священные животные вполне могли питаться другими священными животными – таков закон жизни.

Большой круглый зал, куда попали дети, не имел крыши и представлял собой дворик с дощатым полом и множеством деревянных статуй по краям. Здесь, в этом дворике, могли находиться рабы. Внутрь, в комнаты храма, попадали только свободные люди, когда совершали специальные молитвы и покупали особые талисманы. Жертвенник находился под открытым небом – широкий круглый камень, черный и чуть влажный. Его каждый день трижды омывали водой.

Правил и служений было много, Нок всех их не знала. За-

то хорошо знала старого жреца Дим-Хаара. Тот появился из сумрака внутренних комнат храма, прошел через галерею, огибающую дворик, и ступил на деревянный пол. Шагал он тихо и быстро, точно огромная мышь, да и внешне немного походил на этого зверька – большие темные глаза блестели живым умом и хитростью, сложенные на груди сухие руки с длинными потемневшими ногтями постоянно двигались.

– Пришли к нам, дети, вот и славно, вот и славно, – негромко заговорил он, и в его голосе слышались ласковые нотки. – Как дела у мамы Мабусы, Нок? Как поживает наша Травка? Надеюсь, мама Мабуса хорошо соблюдает договор, и девочка в безопасности?

Нок сложила ладони вместе, наклонила голову – один раз, другой, третий. Только после трех поклонов раб может отвечать на вопросы жреца, но ни в коем случае не поднимать голову. Рабы не должны смотреть в лица свободных людей, чтобы не осквернить их своим взглядом.

Договор, о котором заговорил жрец, был заключен между мамой Мабусой и жрецами храма. Девочку Без Имени, которую Нок впоследствии назвала Травкой, передали на попечение женщины и ее рабыни, и эта рабыня должна была заботиться о малышке, оберегать и охранять ее. И никто во всем городе не должен был знать о девочке.

И действительно, где еще можно спрятать странного больного ребенка, как не на огромном постоялом дворе, вокруг которого рос дикий сад с персиковыми, ореховыми и ябло-

невыми деревьями? Деревянная хижина рабов – Нок и Ежа – стояла в самом глухом углу сада, за зарослями ежевики и шиповника, рядом с компостной кучей, куда выгребали содержимое туалета Корабельного двора и которую щедро присыпали опилками. В этом углу сада мало кто появлялся, и Девочке Без Имени там было хорошо.

– Мама Мабуса соблюдает договор, – заверила Дим-Хаара Нок.

– Ваша доброта вам воздастся. Духи никогда не забывают тех, кто делает добро. Еще Великий маг Моуг-Дган, освободивший Одинокое королевства от полчищ страшных врагов, – слова «страшных врагов» Дим-Хаар произнес, понизив голос и подняв вверх указательный палец, – говорил, что надо творить добро, и оно обязательно вернется к тому, кто его сделал. Таковы законы нашего мира, дети. А сейчас, – голос жреца снова изменился, стал более жестким, – сейчас пусть возле меня останется новенькая для обряда. А вы пождите ее на ступенях.

Девочка задрожала всем телом, опустила голову совсем низко и две быстрые слезы сбежали по ее щекам.

– Не бойся, – толкнул ее в бок Еж, – он всего лишь споет тебе песню посвящения, помажет лоб глиной и отпустит. Это не страшно.

Девочка кивнула и торопливо вытерла лицо грязным рукавом.

Нок и Еж вышли на улицу, спустились по ступенькам и

сели на самую последнюю. За их спинами звенел тишиной храм, а перед ними простирался приморский город Линн. Он скользил, точно длинный морской змей, вокруг удобной широкой бухты и переливался своими такими разными крышами: остроконечными, покрытыми оранжевой черепицей, пологими, сделанными из широкой и твердой травы хаку, пожелтевшими на солнце и осевшими до самой земли. В районе бедняков крыши делали из соломы, потому что даже трава была не по карману рыбакам, что не имели своей лодки и лишь нанимались на работу к владельцам судов.

Гудел круглый, точно пшеничная лепешка, рынок – он пестрел палатками, телегами и яркими нарядами женщин.

Женщины Линна считались самыми красивыми. Смуглые, черноволосые, с высокими скулами и полными губами, они казались такими же горячими, как неутомимое белое солнце, что каждый день наполняло воздух жарой.

От ступеней храма широким полукругом тянулся вишневый сад. На раскидистых ветках деревьев развешивалось множество лент из кожи и ткани. На некоторых из них звенели крошечные колокольчики. За каждое служение, за каждую молитву жрецы привязывали на храмовые деревья по ленте. Если заказчик молитвы был состоятельным, то покупал кожаную полоску и колокольчик на нее, чтобы тот своим звоном напоминал духам о просьбе.

Колокольчики звенели тихо и печально, и Нок казалось, что это все молитвы жителей Линна слились в одну и звучат,

звучат на верхушке храмовой горы. О чем просят все люди города? О чем просит духов она сама?

Для себя Нок много не просила. Кто услышит молитву девочки-рабыни? Да ей и так неслыханно повезло, духи были слишком милосердны к ней. Она ведь сирота, родители умерли, когда Нок была совсем еще крошкой. И ее передали в караван синебородых купцов даром, просто так. Даже не попросили никакой платы. Иначе в своей деревне она бы умерла от голода, холода и болезней. Кто бы за ней ухаживал? Кто бы заботился о ничейной девочке?

– Пусть о ней заботятся рыцари Ордена, – велели старейшины деревни, – они ведь забирают себе детей для обучения. Вот пусть и эту берут.

Тогда Нок еще раз повезло. В замки Ордена ее не взяли. Высокие люди в длинных кольчугах и больших плащах осмотрели ее и сказали, что толку от такой малявки не будет и что она глупа, как пробка. Таким образом Нок попала вместе с караваном в Линн. И ее нашла мама Мабуса, которая как раз задумала выгодное дельце – вырастить девочку для храма Набары.

Вот оно, везение. Вот она, благосклонность богини судьбы. И чего еще гневить духов и просить у них? В ночь большого полнолуния, когда Маниес станет круглым, серебристым и повиснет над самой бухтой, а Аниес превратится в тонкий серп и спрячется где-то за городским холмом – в эту самую ночь будет праздник Золотых колокольчиков. Празд-

ник, во время которого перед духами Днагао вспоминаются все просьбы людей и все их молитвы.

Вот тогда-то мама Мабуса отведет Нок в храм Набары, получит мешочек золота – золота из далекой Суэмы. Монеты из этих земель самые тяжелые и ценные. Вот сколько платят за хорошую девочку, на плече которой есть шесть цветков, нанесенных жрецом и символизирующих, что ее любовь еще не принадлежала никому.

Ей, девочке-сироте из бедной деревни, очень повезло. Просто неслыханно повезло. Судьба уготовила для нее один из самых добрых жребиев. И совсем скоро тоненькие жрицы храма богини любви, чьи уши украшены крошечными золотыми сережками, а в носах поблескивают золотые колечки – символ принадлежности к храму – выкупают Нок в ароматной розовой воде, расчешут ее длинные черные волосы и заплетут во множество тонких косичек. И на каждой косичке закрепят по коралловой бусине. На ноги и на руки Нок наденет новые золотые браслеты, а на тело, умащенное ароматными маслами, – яркую тунику из прозрачной ткани, расшитую золотыми нитками и белым бисером. Ее девственность будет выставлена на городской торг, и самый состоятельный житель Линна сможет купить первую ночь с новой жрицей храма богини любви. Только тогда Нок получит новое имя – имя, которым назовет ее мужчина, оплативший ночь.

После этого девушка никогда не сможет покинуть храм Набары. По крайней мере до тех пор, пока на ее любовь бу-

дут покупатели. О том, что произойдет потом, Нок не задумывалась. Да и чего ломать голову над тем, что случится через много-много лет? Сейчас все складывалось как нельзя лучше, и потому незачем гневить духов лишними просьбами. На долю девушки и так выпало много удачи.

Оставалась неопределенной судьба Травки – маленьких девочек, не достигших шестнадцати лет, не пускают на порог храма богини любви. Вообще женщин-не-жриц не пускают. Это плохая примета, дурной знак – женщина около храма. Набара ревнива и своевольна, она может прогневаться на город, если рядом с ее владениями появятся женщины, не служащие ей. Женщины-соперницы. Те, кто тоже отдает свою любовь мужчинам, но не в ее храме.

Возможно, жрец свяжет новенькую Нок с Травкой, и та должна будет заботиться о Девочке Без Имени. Тогда Травка так и останется в Корабельном дворе мамы Мабусы.

Колокольчики в храмовом саду все так же тихо позванивали, словно напевали известную только им мелодию. Ветер приносил со склонов запахи можжевельника и, совсем немного, горькой полыни. Побелевшее солнце заняло почти самый центр неба и стало маленьким и злым. Пора, пора возвращаться, чтобы успеть на общую молитву.

Из храма, медленно ступая, появилась старая женщина в длинной черной юбке, по краям которой были нашиты мелкие ракушки. Такие же ракушки чуть отливали перламутром с длинного ситцевого шарфа, накинутого на плечи. Много-

численные бусы из раковин, сушеных ягод и дерева сухо пощелкивали при каждом шаге женщины.

Лицо ее, коричневое, выжженное солнцем, казалось вырезанным из темного дерева. Резкие складки у носа и пара вертикальных складок на лбу. Мелкие морщины у глаз – и все. Гладкая кожа, темная и безупречная. И все же с первого взгляда становилось понятно, что солнце поднималось слишком много раз над обладательницей этой гладкой кожи и счет ее дням давно потерян.

Ведунья Хамуса – а это была именно она – уже давно жила в лесу на соседнем холме. И множество раз приходила в храм города Линна. Ее предсказания сбывались и потому ей всегда верили. Правда, предсказывала она неохотно и не каждому. Долго вглядывалась в лицо просившего, словно читала на нем сокровище в сердце человека, после качала головой и хриплым, каркающим голосом отказывала:

– Что я тебе предскажу, добрый человек? Твоя судьба в твоих руках, а я старая стала и не знаю, как ее удержать...

Но если уж Хамуса бралась гадать на будущее, то слова ее непременно сбывались. Всегда.

Увидев ведунью, Нок и Еж торопливо вскочили, несколько раз поклонились и застыли с опущенными глазами.

– А-а, деточки, – медленно спускаясь, проговорила Хамуса.

Она несколько раз постучала сучковатой палкой о деревянные ступени, перекинула на спину часть черных длинных

кос, отчего колокольчики на их концах жалобно звякнули, и снова заговорила:

– Жарко сегодня будет. Тут, наверху, еще ветер да около моей хижины прохладно. А в городе жуть, что творится. Купец Хонут много людей привел этой ночью в город, теперь на торг выставил. А кто в такую жару-то придет на площадь? Время сбивать цену с рабов – вот, что скажу я вам, деточки. А ты, Нок? Скоро, скоро эти голубые глазки подведут черным, в маленькие ушки проденут золотые сережки, и ты станешь служить Набаре. Мы зависим от этой богини, ведь все в жизни начинает свой путь от ночи любви. Даже земля на склонах холмов слишком любит небо и от того рождаются ручьи в ее чреве.

Хамуса подошла совсем близко, и Нок почувствовала резкий запах трав, исходящий от женщины. Горьких и терпких трав.

– У тебя удивительные глаза, девочка. Мама Мабуса не прогадала, когда покупала тебя. Где еще найдешь такую темноголовую, смуглую девочку с глубокими голубыми глазами? Такую тоненькую, с черными бровями, разлетающимися точно крылья бабочки? Не удивлюсь, если твой первый мужчина назовет тебя Бабочкой. Это имя как раз для тебя, дитя. Подними-ка глаза, посмотри на меня. Да не бойся, я не стану ругать тебя. Ишь, какие глубокие глазищи, как вода в нашей бухте в ненастную погоду. Кто может устоять перед такими глазами? Дорого, ох дорого, обойдется кому-то твоя

первая ночь, Нок. Приходи ко мне завтра на рассвете, я кину для тебя кости и предскажу твое будущее. Да пошлют тебе духи Днагао удачу, милая девочка.

Голос Хамусы тут же изменился, стал более хриплым и злым. Она стукнула палкой о босые ноги Ежа и крикнула:

– А ты, раб, что глаза пялишь? Давно тумачков не получал? Так я тебе сейчас наподдаю, шкура паршивой овцы... Пошел вон отсюда. Терпеть не могу этих мальчишек бестолковых.

Нок молчала. Еж действительно вытаращился на Хамусу: на ее ожерелья, на подведенные черным глаза. Глядел, как дурачок, а ведунья страсть как этого не любила. Хорошо еще, что не заколдовала. А то могла наслать порчу: слабость живота или икоту на пару дней. Тогда уж точно не до смеху будет. И потому Нок не стала жалеть жалобно пыхтящего Ежа, держащегося за ногу и злобно сверкающего глазами в сторону уходящей Хамусы.

Наконец в дверях храма появилась новенькая девочка. Белая полоса на ее лбу выделялась четко и ясно.

– Пошли, – скомандовала Нок, – и так задержались. Сейчас забежим в Корабельный двор, побудем на молитве, совсем не долго. И на Песчаную косу, купаться. Это здорово, тебе понравится.

На руках новенькой темнели два кожаных браслета. Завязанные на простой узел, с продетыми крупными деревянными бусинами и небольшими медными бляхами, на которых изображались оскаленные головы зменграхов. Изображение

грубое, дешевое. Но это не важно. Важно, что браслеты защищали от злых духов.

#4. Нок

Тонкие струи водопада напоминали волосы девушки. Прозрачные длинные волосы, чуть кудрявые. Они разбились о небольшую затоку, рождая искрящуюся водяную пыль. Недаром этот водопад еще называли Прядями Набары. Здесь, в неглубокой затоке, Нок и Еж всегда купались.

Травку сюда редко приводили. Вдруг та начнет кричать, визжать... Что им тогда с ней делать? Нет, девочку лучше держать взаперти, чтобы никто ее не видел.

Новенькую девочку теперь тоже звали Нок. Стала возникать путаница, но мама Мабуся быстро нашла выход.

– Ну-ка, Малышка, снимай с себя эти лохмотья. Вот твоя новая одежда, – сказала она, принеся к хижине, где сидели дети, корзинку с новыми вещами.

Сшитая из тонкого синего ситца туника длиной до колен, по вороту вышита бисером, рукава собраны у локтей. И широкие шаровары из темного, немаркого ситца. Удобные, не очень длинные. В самый раз для девочки Нок.

– Будешь ходить в этом. Волосы мы тебе первое время будем стричь, чтобы отросли эти куцые стрелки. Стричь на полную Аниес, только так. И каждую неделю я буду смазывать их у корней маслом розовых цветов, чтобы они росли густыми и блестящими. Глянь на нашу большую Нок – правда, красавица?

Мама Мабуса захватила широкой ладонью две длиннющие косы Нок и слегка дернула. После добавила:

– И из тебя мы такую красавицу сделаем. Чтобы каждый мужчина, завидев тебя в храме Набары, принялся трясти свой кошелек, надеясь наскрести на твою ночь любви. Поверь мне, деточка, уж я-то знаю толк в женской красоте. Мотай на ус, Малышка.

Еж и Нок тоже стали называть новенькую Малышка. Так ведь гораздо удобнее.

– Имена мы сами придумываем, – деловито начал пояснять Еж, когда, выкупавшись, все трое устроились на плетеной из травы циновке у самой кромки беспокойного моря, – мы ведь рабы, а рабам имена не положены. Ну, настоящие имена, которые заносятся в городскую Книгу живущих у старейшин города. Меня Нок назвала Ежом, потому что раньше я был злым и все время ругался. Она говорила, что я колючий, как еж. А мама Мабуса давала мне подзатыльники. – Еж усмехнулся, зачерпнул горсть теплого желтого песка и насыпал на свой смуглый живот.

– А Травка? – несмело спросила Малышка.

– Ее назвала Нок. Надо же было как-то звать ребенка. Хотя вообще-то, – Еж понизил голос и оглянулся, после продолжил: – это девочка храма духов Днагао. Она страшная, и ей имя не положено. Она – Без Имени. Девочка Без Имени. Только молчи об этом. Иначе сама увидишь, что случится. Сама увидишь.

Нок торопливо дотронулась до браслетов, после поднесла руку к губам, провела по ним, сжала в кулак, выпустила что-то невидимое в воздух перед собой и проговорила:

– Заберите, духи, все плохое, пошлите хорошее. Еж, не говори, а то – сам знаешь. Давайте лучше поедим. Мама Мабуса нам сложила в котомку лепешек, жареной рыбы, огурцов и немного перца. Ешь, небось у себя на родине и не видала такого.

Малышка дернула плечом. Схватила за кусок еще теплой лепешки и широко распахнула глаза, когда увидела три большие рыбины с хрустящей корочкой.

– Это повар на обед нажарил рыбы. Сварил казан плова, но его неудобно носить в котомке. Еды тут хватает, море всех кормит. Да и земля щедрая, хоть и оранжевого цвета, – пояснила Нок.

Какое-то время все жевали молча. Ласково плескался у ног неугомонный прибой, изредка кричали чайки, отбирая друг у друга рыбу. На противоположной стороне бухты качались огромные корабли, темнели их влажные бока и реяли разноцветные флаги на мачтах. Еж бы мог много рассказать об этих флагах, он хорошо ориентировался в картах и расположении островов. Знал, как удобно пройти в бухту, где находятся мели и куда направляются течения. Он умел ловко и быстро ловить рыбу, и мама Мабуса нередко посылала его в ночь на мол, на рыбалку.

Да и почему бы Ежу не знать все о кораблях и островах,

если он каждый вечер прислуживал морякам и капитанам в таверне, выпитывая, как губка, их рассказы, разглядывая карты, которые они стелили на столах, и смеялся их шуткам, крепким и соленым, как морские волны.

Нок тоже хорошо разбиралась и в морских байках, и в картах. Но ее это мало интересовало. Негоже девочке, которую растят для храма Набары, показывать свою грамотность. Не для того наносили ей на предплечья цветочки, чтобы она демонстрировала свой ум. Не ум ценен в девушке, а красота. Красота – вот то достоинство, которое придает ей ценность в глазах мужчины.

Потому, развалившись на теплом песке, Нок щурила глаза от солнца и наслаждалась покоем, не обращая внимания на то, как Еж перечисляет названия всех кораблей, что стояли на рейде в бухте Линна.

– Вы никогда не думали о том, чтобы убежать? – вдруг спросила Малышка.

Она уже управилась со своей рыбой и теперь хрустела огурцами, заедая их лепешкой.

– А зачем? – удивился Еж. – Куда ты пойдешь? Тут у нас еда, работа и крыша над головой. Мы на своем месте. А если убежим, кому мы будем нужны? У нас даже нет имен. И дырка в носу всегда будет свидетельствовать о том, что мы – рабы.

– Да, Малышка. Тебя поймают на первой же дороге, изобьют плетями и поставят клеймо. И вместо хорошего места

хозяин продаст тебя на плантации или галеры. Тогда света вообще не увидишь. Будешь махать веслами... Ну, галеры – это для мужчин, конечно. Женщин отправляют на плантации. Лучше и не думай о том, чтобы сбежать. Да и к чему это? Тебе тут понравится, это точно.

Нок внимательно глянула на Малышку и вздохнула. Глупость какая – сбежать. Рабство – это навсегда. Раз однажды пробили ноздри, то все. Дырка будет всю жизнь напоминать о неволе. И можно только молиться духам, чтобы вместо медного колечка там оказалось серебро, вот как сейчас у Нок и Ежа. Серебро показывает статус раба у своего хозяина. Это значит, что хозяин состоятельный, а раб – старательный и дорогой. И его – этого раба – ценят в доме хозяина. А еще лучше, когда в носу появится золотое колечко. Это будет означать принадлежность к храму. Только храмовые рабы обладают особым положением, к ним относятся, как к свободным. Им даже дают имена.

Совсем скоро Нок получит и золотое кольцо в нос, и новое имя, которое занесут в Книгу: пусть и не в Книгу старейшин города, а в Книгу богини любви. Что может быть лучше для рабыни?

Дети возвращались в Корабельный двор обходным путем. Хотели показать Малышке все городские улицы, которыми можно выйти к дому.

– Смотри и запоминай, – велел Еж, – завтра обязательно свожу тебя на пристань, чтобы ты посмотрела на корабли.

– Еж просто мечтает, чтобы его купил помощником какой-нибудь мореплаватель, – пояснила новенькой Нок. – Но поверь мне, Ежик, мама Мабуса никогда тебя не продаст. Второй раз такого хорошего рыбака ей уже не купить. Дорожит она тобой, вот что! Потому нечего на корабли и заглядываться.

– А это не твое дело! – сердито крикнул Еж. – Сам разберись, без тебя!

– Конечно без меня. Меня скоро с вами уже не будет. – Нок победно улыбнулась.

– А я накоплю денег и куплю одну твою ночь, – не унимался Еж.

– Начинай уже сейчас копить, потому что долго придется это делать. Небось, аж до старости. Я собираюсь стать самой первой и самой дорогой рабыней в храме.

– И потеснить Лунную Дорожку? Думаешь, она тебе это позволит?

– Ее время скоро закончится. Молодость не вечна. Она начнет стареть, а я все еще буду молодой.

– Ну что ж, посмотрим, – миролюбиво заключил Еж.

Все в городе знали о красоте самой дорогой рабыни храма, которую звали Лунная Дорожка. Ее ночь первым делом покупали капитаны, едва встав на якорь в бухте. Это стало обычаем. Считалось, что такая ночь приносит удачу в денежных делах. Даже поговаривали, что сама Лунная Дорожка приносит удачу.

– Возможно, Еж прав, обойти такую рабыню будет не просто...

Но ведь недаром Хамуса говорила, что у кого еще есть такие глубокие и красивые глаза, как у Нок? Кто еще может похвастаться смуглой кожей лица, на фоне которой глаза – как ясные озера чистой воды? Девушка сама много раз разглядывала себя в зеркало и любовалась своими глазами, полными, безупречно очерченными губами, тонким носом и крохотной ямочкой на подбородке. Ее лицо красиво, юно, свежо. Она вполне может затмить Лунную Дорожку. Ведь до сих пор духи Днагао посылали ей только удачу. Может, они и в будущем не отвернутся от нее?

Дети прошли через узкие, грязноватые улочки рыбаков, что спускались почти к самому морю. Глинобитные хижины, покрытые соломой, покосившиеся ветхие заборчики и крохотные огородики в несколько грядок...

– Тут живут те, у кого нет своей лодки. Они нанимаются ловить рыбу к более состоятельным. Но зато эти люди свободные, их никто не имеет право продавать, – пояснил Еж и задумчиво почесал голое смуглое брюхо.

Он был в одних темных шароварах, на его тонкой длинной шее болтался деревянный простенький кулон на шнурке. «Удача моряков» – плоская раковинка, маленькая, розовая, хрупкая. Стоил этот кулон четвертину медного гроша, потому что таких раковин на берегу было полным-полно. Собери сколько хочешь. Свой талисман Еж сделал сам – нашел

раковину, аккуратно проделал в ней дырочку и продел в нее шнурок.

Троица поднялась выше, и вот улицы стали шире, чище и наряднее. Деревянные дома с резными перилами и крашеными калитками. Повозки со смазанными колесами, сытые лошади. Смуглые крикливые дети, играющие в камушки и палочки прямо под ногами.

На Нок, Ежа и Малышку никто не обращал внимания – весь город знал маму Мабусу и ее рабов тоже.

Они вышли к рынку. Нок завернула в проулок, ведущий к Корабельному двору. И тут она первый раз увидела его – Незнакомца. Сначала просто почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернула голову и встретила с черными, непроницаемыми глазами. Черная борода, широкая черная шляпа, надвинутая на лоб. Длинный кафтан с широкими бортами – и это несмотря на жару. Черные высокие сапоги.

Мужчина стоял на перекрестке, прямо перед детьми и пристально смотрел на Нок. Тяжелый, сильный взгляд, казалось, проникал в самое сердце. Таким взглядом можно сгладить, наслать порчу или даже смерть.

Незнакомец не говорил ничего, просто смотрел, и не понятно было, что ему надо. Ни Еж, ни Малышка, видимо, не обратили на него внимания. Они шли дальше, Еж что-то выискивал на мощенной камнем дороге.

А Нок замерла. Она немного отстала от своих спутников. Беспокойство охватило девушку с такой силой, что ее ладо-

ни вспотели и над бровями выступили капельки пота. Что надо этому мужчине? Почему он смотрит на нее так, точно она разноцветная птица с далеких островов? Какой ужасный человек...

Нок опустила глаза и бросилась догонять своих друзей. Подошвы ее деревянных сандалий сухо защелкали по камням, и эти звуки вернули ее к реальности. Вот глупая, испугалась приезжего человека... Мало ли, кто он? Может, пришел издалека, из тех мест, где правят рыцари Ордена. А там женщины всегда ходят с покрывалом на голове, в длинной черной одежде. А тут – на тебе: красивая девочка в шароварах, в тунике, без покрывал, с длинными косами. Вот и установился...

Только не поднимать глаза. Только не смотреть в лицо бородатому человеку. Взгляд у него тяжелый и страшный.

– Ты видел его? – тихо спросила Нок у Ежа, когда они почти подошли к Корабельному двору.

– Кого? – удивился Еж.

– Бородатого этого. Что стоял на перекрестке. Страшнущий такой, глазищами сверкает.

– А... Да, видел. Станный человек. Должно быть, приезжий. Не обращай внимания.

В Корабельный двор заходили через черный вход. Там, где стоит печь, и повар Тинки-Мэ печет свои вкусные лепешки. Правда, Еж умудрился подбежать к парадному входу и провести рукой по бушприту деревянной статуи корабля. Ведь

все знают, что это приносит удачу.

#5. Нок

– Вечером мы помогаем маме Мабусе с посетителями. Днем тоже, когда слишком много людей. Вытираем столы, носим воду. Ты сама увидишь. Так что давай, ешь скорее и пошли. Мы нужны в главном зале. Будешь учиться, – велела Нок Малышке, когда они оказались в своей хижине.

Мама Мабуса принесла большой кувшин молока, и Нок, напоив Травку, вывела ее во двор. Достала новенькие сандалии, украшенные деревянными бусинами и ракушками, и расшитую бисером тонкую тунику, присобранную у горловины. Тщательно расчесала и переплела свои длинные косы.

– Мама Мабуса хочет, чтобы мы выглядели красиво, когда прислуживаем в зале, – пояснила Нок, – хотя от Ежа такого и не требуют. Он мальчик, и не должен никому нравиться. Дальше все просто. Обслуживать людей за столиками, приносить полные кружки пива и широкие тарелки с вяленой рыбой. Вареных крабов со специальными травами. Небольшие мисочки с рисом и с соусами. Не забывать улыбаться и быть внимательной, чтобы ничего не перепутать, не разлить, не уронить. Если приспособиться, то вполне можно управляться.

Многих посетителей Нок знала довольно хорошо. Например, вот этого моряка с густой черной бородой и красными щеками. В правом ухе у него качалась тяжелая золотая

серьга, расшитый серебром пояс обтягивал огромный живот. Кошелек, прикрепленный к этому поясу, никогда не оказывался пустым. Это был Нитман, владелец нескольких лодок. Один из самых состоятельных людей города. В Корабельный двор он заглядывал нечасто, но уж если заходил, то засиживался допоздна, пил много, а говорил еще больше.

Вот и сейчас он шумно отхлебнул из кружки пива и продолжил начатый разговор:

– Те времена недаром прозвали Горькими. Сколько народу полегло в той войне? Тысячи. Города сожгли, деревни – все, что было на границе. Верхние маги тогда добрались до самой столицы Нижнего королевства. И неизвестно что было бы, если бы не Великий маг Моуг-Дган. Вот кому мы обязаны тем, что Верхние маги и орды *проклятых* не добрались до Свободных Побережий. И очень плохо, что у нас до сих пор нет храма Моуг-Дгана. Потому что это был могущественный маг, и таких больше не будет. Я бы принес козленка на жертвенник в его храм.

– Ну, так, может, еще построят, – ответил ему рыжеватый худощавый мужчина с подвижным длинным носом. Это был боцман всем известной «Бури», что только вчера стала на якорь в бухте Линна. – Возводить храмы – хорошее дело.

– Разленились вы, дери вас зменграхи, – из-за соседнего столика поднялся Нгац – старейший лоцман, давно уже списанный на берег и обитающий в порту. Жил он тем, что давал непрошенные, но дельные советы, да имел команду грузчи-

ков, которые страшно ругались, но работали быстро и четко. – Ленилась в храмы ходить, ленитесь. Когда были последний раз на горе, в храме Вакуха? Когда последний раз приносили ему хотя бы курицу, ленивые ваши брюхи? Вот к Набаре бегаєте, золотишко ваше носите. Конечно, и это надо делать. Но Вакух – бог войны. А вы, значит, перебирая вонючие рыбы потроха, совсем о нем забыли. А к кому вы ходили каждый день во время Горьких времен? К кому ползли на брюхе, таща свои кошельки? Кого просили защитить от *проклятых* и Верхних магов? Мир тогда сошел с ума, но много ли времени прошло с тех пор? Говорят, что Дверь *проклятых* закрыта, что суэмцы сняли свое проклятие и поднялись с колен, что мир пришел на земли, и что Великий дракон Гзмарданум уже никогда не потревожит города и деревни. Так что теперь можно строить на пепелищах, забыть старых богов и только и делать, что ходить к Набаре, а жрецам Вакуха и хлеба нынче себе купить не на что?! И они, значит, вместо того, чтобы возносить молитвы богу войны, на коленах грядки копают. Дери вас зменграхи! И матерей ваших бестолковых, за то, что не вколотили ума в ваши маленькие головы!

– Ну, разошелся... – пробормотал рыжий боцман «Бури».

– Ну-ну, Нгац, нечего нас обвинять, – мама Мабуса, подбоченясь, вышла из-за прилавка. В свете масляных ламп блеснули ее крупные коралловые бусы. Длинная юбка задвигалась, зашелестела, ладно обтекая крутые бедра смуг-

лой женщины. – Сейчас мирные времена, и пусть боги войны не обижаются на людей. Когда солнце поднимается каждый день, мужчины думают о любви и усладе, а не о войне. О хорошем улове, удаче и кружке доброго пива в хорошей компании. Это правильно, Нгац. А старые боги пусть начинают покровительствовать удаче. Тогда и им понесут золото.

Старый лоцман уже был изрядно пьян, потому слегка качнулся, прижал палец к губам и зашипел:

– Ш-ш-ш-ш, глупая баба, ш-ш-ш. Не слышат вас пока рыцари Ордена. И вы их не слышите, – при этих словах он вытаращил глаза и понизил голос.

Воцарилась тишина: перестали стучать кружки, смолкли смех и разговоры.

– Вы их не слышите, а они о вас думают, клятые идолопоклонники. Придут, придут сюда рыцари Ордена и сожгут храм Набары, а всех девочек подстригут коротко, оденут в черное покрывало, в длинные черные юбки и заставят молиться Всем Знающим. Вот тогда, когда их кони, закованные в железо, пройдут по вашим полям и улицам... ш-ш-ш, – снова зашипел Нгац, оглянувшись на дверь, словно рыцари в железе уже стояли на пороге. – Вот тогда вы вспомните о Вакухе. Но будет поздно, потому что и его храм сгорит в огне. Орден Всех Знающих – вот что ждет нас. Попомните мое слово, попомните. А Моуг-Дган больше не придет. Потому что вы даже храма ему не построили. Ни одной дрянной курицы не принесли ему в жертву, ни одного медного гроша,

дери вас зменграхи! Дери вас всех зменграхи!

Последние слова Нгац прокричал хриплым голосом, рухнул на стул и поднес кружку с остатками пива ко рту.

В зале все еще стояла тишина, такая гнетущая, что Нок, взяв в руки поднос, замерла и пугливо оглянулась на дверь. Вдруг и правда стоят во дворе рыцари в железе?

– Вот что бывает, когда запиваешь стылую пивом, – проговорил кто-то в углу зала.

Нгац только поднял руку с вытянутым указательным пальцем и потряс ею в воздухе.

– Да хранят нас духи Днагао, – громко сказала мама Мабуса, – уж им мы жертвы всегда приносим. О милости всегда просим. Так что гневаться им не за что. А уж если они не смогут защитить нас от рыцарей Ордена, то никто не защитит. И нечего зря кричать во время славного вечера, когда народ отдыхает от работы. Давай, Нок, не стой, неси поднос. Нечего глаза пялить на дверь. Ночь теплая и хорошая, море спокойное. Выпьем за тех, кто завтра поднимает якорь.

– И то дело, – тут же согласился рыжий боцман, взял двумя пальцами кусочек рыбы с подноса, макнул его в соус и закинул в рот.

– Принеси мне, Нок, еще пива, – попросил Нитман, – вот на кого любо глянуть, скажу я вам всем. Отличная выросла девчонка у тебя, Мабуса. Где еще такую найдешь?

– Что, нравится моя девочка? – засмеялась женщина, и большие кольца сережек в ее ушах быстро закачались в такт

смеха.

– Ох, и нравится. Но боюсь, что денег у меня не только на ее первую ночь, но и на десятую не хватит. Клянусь рыбьим королем Гуссом, дорого будет стоить любовь нашей девочки. Ишь, какие глазищи у нее, точно звезды.

Нок покраснела, опустила голову, поставила перед боцманом пару кружек пива и вернулась к прилавку.

– Подстригут ее рыцари Ордена, – вдруг снова заговорил Нгац. Он произносил слова медленно, ворчливо и глядел прямо перед собой. – Подстригут, натянут черное покрывало и заставят день и ночь молиться Всем Знающим. Никто не познает ее любви, потому что для рыцарей любовь жриц Набары – страшный грех. Черный грех. Черной грешницей назовут они Нок, помяните мое слово. И закончит она свои дни в каменном мешке, день и ночь вознося молитвы. Еще они заставят ее работать в поле. А поля у рыцарей огромные. Собирать урожай, молоть. Вот что будет делать Нок. И замаливать, замаливать свои черные грехи. Смотрите, что ждет вас! – последнюю фразу Нгац выкрикнул, точно выплюнул в зал. – Дери вас зменграхи! Всех вас!

– Вот же пьянчуга, – со злостью сказала мама Мабуса и перестала улыбаться. – Что это ты тут каркаешь? Ты что, ведунья Хамуса, что ли, почему мы должны тебе верить?

– Да-а-а, ведунья, – Нгац снова понизил голос и закрипел, точно не смазанная телега, – а она предсказала... Помните? Помните, что она видела на празднике Золотых

колокольчиков четыре года назад? Коней, закованных в железо, видела она. Вот тут, на наших улицах, у наших храмов. Кони в железе! Бойтесь их, люди!

Из дальнего угла поднялся молодой веселый моряк, обнял за плечи Нгаца и пробасил, весело и торопливо:

– Пошли, почтенный, выйдем. Ночь теплая, звезды высокие. Пойдем, вознесем молитву духам. Я проведу тебя до дома, пошли.

Нгац уперся, но моряк, несмотря на ласковый голос, обладал недюжинной силой. Сопротивляться ему было бесполезно.

– Благодарствую тебе, Дарик, – тут же спохватилась мама Мабуса, – забери ты этого болтуна, иначе того гляди переругаются все тут.

Малышка, жмущаяся в углу у прилавка, тихо спросила Нок:

– Он всегда так?

– Нет, просто напился. Что-то нашло на него. Не к добру это, ой, не к добру. Завтра на рассвете две галеры поднимают якоря. Капитаны судов сейчас в зале, и очень плохо, что перед отплытием кто-то вспоминает о прошлом. О Моуг-Дгане, например. О нем не принято вспоминать на ночь глядя. Или о рыцарях. И ты молчи, не задавай вопросы, иначе получишь тумачков от мамы Мабусы. Не вздумай ее ни о чем спрашивать. Делай вид, что тебе все понятно.

Малышка торопливо закивала и провела пальцами правой

руки по браслетам.

#6. Нок

Нок хорошо знала, что не к добру это – вспоминать на ночь глядя о рыцарях Ордена.

Дурные предчувствия одолели ее, едва она вернулась к себе в хижину. Вспомнился странный Незнакомец, что рассматривал ее сегодня днем. Вернее, уже вчера, потому что ущербная, половинчатая Аниес опустилась за холм, и только Маниес, кособокий, полнеющий, висел над бухтой.

Скоро утро, и надо отдохнуть хоть несколько часов. Обычно Нок и Еж спали в полуденное время, но вчера им не удалось, потому что бегали в храм, после купали Малышку и задержались на пляже. Потому сейчас они просто валились с ног от усталости.

И вздумалось же этому глупому Нгацу болтать ночью о страшном. Накаркал, проклятый, ее судьбу. И все плохое. Нет, надо непременно проснуться на рассвете и сходить к ведунье Хамусе, она обещала кинуть кости для Нок. Кости, предсказывающие будущее. Чтобы знать наверняка, по-прежнему ли будет благосклонна судьба к девушке, как это было всегда.

Никто не познает ее любви... Вот что сказал глупый Нгац. Черная юбка, черное покрывало на голове. Это цвета смерти. Черными флагами покрывают моряки трупы врагов, когда скидывают их в море. Черное – знак рыбьего короля Гус-

са, что поднимает волны, опрокидывает корабли и требует от рыбаков живой дани. Что может быть ужаснее черного цвета? Ничего...

Не к добру это все, ох, не к добру... Как же заманить добро в свою жизнь?

Нок торопливо умывалась во дворе, около колодца, стирая едва заметную черную подводку с глаз. Вода брызгала на пальцы ног и от этого, почему-то, бежали мурашки по коже. Сад тонул в темноте. Большая шелковица заслоняла ветвями звезды и чуть слышно шелестела, точно листья ее переговаривались между собой. Что знают ветви шелковицы? Что они видели в своей жизни?

А вдруг страшный Незнакомец притаился где-то тут, в темноте сада, и смотрит сейчас на Нок, ожидая, когда она сбросит тунику, чтобы смыть с себя дневной пот и морскую соль? Вдруг он только и жаждет того, чтобы выпить из нее все жизненные соки и всю красоту? Недаром он так странно смотрел на нее сегодня вечером...

Страх, точно миллионы черных муравьев, задвигался внутри девушки, расползаясь по всем венкам и жилкам. Дрожащими руками Нок поливала себя водой, тряслась и все оглядывалась вокруг. Прикасалась к браслетам и шептала:

– Да сохраняют духи... да сохраняют духи...

Наконец, вытерев тело грубой хлопковой тканью, она набросила тунику и кинулась к хижине напрямик, через редкие грядки с помидорами и смородиновые кусты. Споткну-

лась о выложенную камнем дорожку, вскрикнула от боли, но не остановилась.

Уже на пороге услышала тихий голос Ежа, рассказывающий Малышке:

– Одиноких королевств всего два, ты знаешь. Верхнее, где правят маги, и Нижнее, где правят рыцари Ордена Всех Знающих. А когда-то было по-другому.

Скрипнув дверью, Нок нагнулась, прошла через низкий проем и села на край хлипкой, деревянной кровати. Всего кроватей в хижине было две – для Ежа и для Нок. Травка спала в ногах у девушки. Малышка, видимо, будет спать с Ежом, больше-то негде. Это пока... Пока старшая Нок не уйдет в храм Набары.

Еж продолжил свой рассказ:

– Давным-давно в Нижнем королевстве тоже поклонялись духам Днагао, и храмы у них стояли. Но случилась война, и Верхние маги напали на королевство. Они считались тогда непобедимыми. Колдовство у них было сильное.

Нок снова дотронулась до своих браслетов. И чего это Еж разболтался ночью? Не спится что ли болвану? Девушка сбросила тунику, нисколько не смущаясь своего друга. Да и кто ее разглядит в кромешной тьме хижины? Окна, выходящие в сад и не закрытые ставнями, зияли темнотой, а Маниес и Аниес остались где-то в небе, над крышей. Ни одного луча не проникало в дом.

Грубая серая рубашка до колен, в которой Нок ходила

днем, когда помогала маме Мабусе, отлично подходила для сна. Натянув ее на себя, Нок села на кровать и, сузив глаза, всмотрелась в темноту. Травка уже спала, свернувшись в клубок на другом конце набитого травой тоненького матраса.

– И вот тогда разразилась страшная война. Верхние маги умели убивать, не вытягивая мечи из ножен. Только одним колдовством высасывали они жизнь из людей. Там, где они проходили, оставались мертвые деревни. Все боялись Верхних магов, и никто не мог им противостоять. И в этот момент появился Великий маг Моуг-Дган. Он пришел с северных земель, оттуда, где живут *проклятые*. Он победил всех Верхних магов и всех *проклятых*. Моуг-Дган оказался таким сильным, что его колдовство поглотило колдовство и тех, и других. Он восстановил мир и сказал, чтобы все люди работали и делали добро. Тогда война не вернется. А уже после земли Нижнего королевства захватили рыцари Ордена Всех Знающих. Построили свои храмы, и до сих пор строят. Они требуют, чтобы все на них работали и поклонялись только их Знающим. Они говорят, что остальные боги – это плохие боги.

– Я знаю, – едва слышно шепнула Малышка.

– Ты чего разболтался, Еж? Ума что ли не стало? Хватит того, что пьяный Нгац болтал сегодня вечером – да хранят нас всех духи, – а иначе сам знаешь... и так беспокойно мне что-то... Спите лучше, пока Травку не разбудили.

Нок легла, но, несмотря на усталость, сна не было. Только иссушающая тревога жгла душу. Чудились в комнате какие-то шорохи. Видать, скреблись мыши, но воображение рисовало ужасных животных. Или еще что страшнее...

Нок перевернулась несколько раз на кровати, вздохнула. Надо заснуть и не проспать рассвет. Ведунья Хамуса будет ждать ее нынче утром в своем доме.

Вдруг в темноте девушка разглядела, как медленно поднялась с кровати Травка. Села, свесила ноги, подняла лохматую голову и издала низкий, булькающий рык.

Началось... Не зря, не зря ее терзали предчувствия...

Нок кинулась к Травке, но та рухнула на пол и подняла страшный вой. Звуки были жуткими, нечеловеческими. Будто не девочка пяти лет издавала их, а выло какое-то яростное животное. Руки Травки задергались, задрожали и застучали о деревянный пол хижины. Ноги точно пустились в дикую бессмысленную пляску. Голова замоталась с бешеной скоростью из стороны в сторону.

Это припадок падучей...

Нок попробовала поймать руки Травки. Не сразу, но ей это удалось. Прижать со всех сил. И ноги тоже.

Где-то в темноте заплакала Малышка, испуганная воем. Еж торопливо прошептал:

— Ну же, давай быстрее...

Хорошо ему говорить там, у себя на кровати. А Травка уже умудрилась попасть ногой по подбородку Нок. Успевай

только уворачиваться. Девушка навалилась животом на девочку, прижала коленями ее ноги и со злостью зашептала слова заклинания. Только бы сработало...

Дверь хижины резко распахнулась, и на пороге появилось странное существо. Черное, лохматое, с горящими глазами. Стояло оно на четырех лапах, но его большая голова вовсе не походила на голову пса. Вытянутая морда, маленькие ушки. Горящие желтым глаза. Тварь глухо рыкнула, и Нок поняла, что сейчас она войдет в хижину и тогда...

Сбившись, Нок принялась заново читать заклинание. Торопливо проговаривая слова, она сильнее вдавливала Травку в пол. В то же время все силы ее души были направлены на дверь. Только бы животное не вошло, только бы не вошло.

Замолчала Малышка, перепуганная до полусмерти. Привычный к такому Еж тоже молчал.

Животное на пороге не двигалось. Его ярость казалась горячеей и страшной, и ее, эту ярость, нельзя пускать в хижину. Удержать на пороге изо всех сил. Возвести стену между животным и детьми. Прочную невидимую стену. Нок представляла ее себе очень ясно. Выговаривая последние слова заклинания и чувствуя, как успокаиваются руки и ноги Травки, она думала только о невидимой стене. Это помогало.

Представить стену. Произнести заклинания и думать о стене. Успокоиться. Унять волнение, тревогу и пожирающий страх. Стена прочная, животное не пройдет сквозь нее. Девочка замолчит. И наступит наконец тишина...

Травка задышала ровно, с короткими промежутками между вдохами. Закрыла глаза, разжала кулаки. Обозначились ямочки на ее худых щеках и перестали лихорадочно блестеть черные глаза. Разошлись черные брови, лоб стал гладким. И не скажешь, что эта девочка секунду назад рычала не людски.

Нок медленно выдохнула, села. Теперь можно спокойно дышать. Животное, стоявшее на пороге их хижины, пропало. Растворилось в ночи, точно его и не было.

Вот и славно... Вот и хорошо...

– Что... что это было? – тихо всхлипнув, пробормотала Малышка.

– Это химай, – тут же ответил Еж, словно торопился показать свои знания, – он приходит сюда, когда Травка так кричит. Не всегда, только в самые темные ночи, когда нет полнолуний. Лишь Нок может его остановить.

– Когда ты уже прекратишь болтать? – устало спросила девушка.

Она подняла Травку, грубо кинула ее на кровать и села рядом. Та даже не пошевелилась. После таких припадков она спала чуть ли не целый день, до самого вечера. Не ворочалась, вообще не шевелилась, словно мертвая.

– Прости меня, Нок. Мне не следовало ничего говорить на ночь, – тут же согласился Еж, – я просто хотел рассказать новенькой...

– Все. Спите. Пока не пришел кто-нибудь еще.

Усталость оказалась такой сильной, что не хотелось ни говорить, ни ругать глупого Ежа. Меньше бы болтал – меньше было бы неприятностей. Хорошо еще, что удалось отвадить химая. А если бы он вошел и перегрыз тут всех? Мало что ли таких случаев было в городе? С химаями никто не может справиться, их даже толком никто не видел при дневном свете. Нок никому, ни одной живой душе, не рассказывала, что эта тварь приходит к ним ночью. Иначе выгонят не то что из Корабельного двора, а из Линна. В пустыню, подальше от людей. Чтобы не притягивала в город химаев. И Нок выгонят, и Ежа, и Травку эту дурную.

Вот кто на самом деле виноват во всех неприятностях. И за что девушке такое наказание? За что свалилась на нее эта противная девчонка?

Иногда, в такие вот ночи, Нок отчаянно желала Травке смерти. Правда, не выпускала это желание наружу, сжимала внутри. И думала, думала: хорошо ли желать кому-то смерти? Моуг-Дган учил делать добро, но для Травки настоящим добром была бы возможность умереть. Потому что это не жизнь, а что-то страшное. Девочка не говорит и не играет. Даже прямо в глаза не смотрит. Ни одного ясного желания, ни одного внятного слова.

За два года Нок ни разу не слышала голоса Травки. Только жуткий вой по ночам, во время приступов. Зачем жрецам такое страшилище? А именно им она и была... и если быть честной до конца, то девушка больше боялась не химаев, а

ее, этой пятилетней девочки с темными неподвижными глазами.

Скорее бы уже отправиться в храм Набары. Лучше отдавать свою любовь, чем делать такое добро, от которого всем страшно.

Нок почувствовала, как дремота все-таки одолевает ее. Она перевернулась на бок и сунула ладонь под щеку. Уже погружаясь в пучину сновидений, девушка на мгновение увидела странную картинку. Как видение, вспыхнул перед ней огненный круг, в середине которого ярким желтым песком были выложены странные фигуры. Сама Нок стояла в этом круге, выкрикивала заклинание, которое читала Травке. А незнакомый голос шептал: «Должны набраться сил».

Видение мелькнуло и пропало. Сон навалился на девушку, и сил думать о кругах, песке и заклинаниях у нее совсем не осталось.

#7. Нок

Дневное светило еще не успело подняться из-за холмов, когда проснулась Нок. Дорога ей предстояла неблизкая, поэтому мешкать не стоило. Медленно светлеющее небо убегало вверх, и на его фоне темнели шелковица и абрикосы. Стряхивали редкую росу кусты смородины и хрупкие листики ежевики.

Линн растянулся на четыре холма. На самом высоком из них цеплял крышами облака и поблескивал мелкими окошками храм духов Днагао. У подножия находился рынок, а чуть в стороне, на пути к бухте, расположился Корабельный двор мамы Мабусы.

Хижина ведуньи Хамусы пряталась за дубовым лесом Всех Предков, что темнел за городом на пологой, похожей на рыбий плавник, горке. Идти надо было на юг, за Песчаную косу, через побережье и ряды лодочных сараев. Старые люди говорили, что в древние времена в том лесу хоронили погибших во время Первой большой войны с *проклятыми*. Ходили слухи, что духи погибших тоже были проклятыми, а потому покоя не получили и бродят теперь по лесу, плачут и пугают неосторожных путников.

У ведуньи Хамусы для защиты от *проклятых* было специальное ожерелье и старый посох с особым набалдашником, сделанным из крысиного черепа. Священное животное об-

ладало особой способностью отпугивать духов, так считали даже жрецы храмов духов Днагао.

У Нок не было ни специального ожерелья, ни особого посоха. Только грошовые браслеты на руках. Потому, встав еще до восхода – едва-едва посерело небо на востоке, – она нарвала полную корзинку красной, похожей на бусы из коралла, смородины. Невелика жертва, но все же дань уважения духам. И что-то останется для ведуньи Хамусы, к ней тоже не следует приходиться с пустыми руками.

В другой туес Нок торопливо нарвала шелковицы, пачкая руки до запястий в липком черном соке. После так же поспешно сполоснула ладони и вернулась в хижину. Переоделась в длинную цветастую юбку с множеством ярких оборок и розовую рубашку с короткими рукавами и шнуровкой у горловины.

Пора, пока все спят. Надо успеть вернуться, работа ждать не будет. Дело всегда должно делаться – так всегда говорит мама Мабуса.

Нок не шла – неслась, и яркая юбка развевалась вокруг ее ног, точно флаг на мачте корабля. Медленно светлело небо, тяжело вздыхало море, точно сбрасывая с себя остатки ночного морока, неровными горбами выступали из сумрака городские холмы. Тихо и безлюдно в это время на Песчаной косе. Рыбу тут не ловят, потому лишь песок шуршит под ногами да плещутся волны.

В дубовом лесу тоже тихо, даже странно. Деревья замер-

ли – строгие, молчаливые, таинственные. Небо теряется за их ветками, и непонятные шорохи наполняют воздух. Шепчется, шепчется кто-то...

Ужас подобрался совсем близко, едва деревья сомкнулись за спиной Нок. Но идти надо – раз ведунья сказала, что можно ее навестить на рассвете, значит, можно. Значит, лес сейчас не опасен.

Нок боязливо оглянулась, подобрала одной рукой подол юбки, а другой стала выбрасывать ягоды из висящей на поясе корзинки.

– Я не с пустыми руками... – заплетающимся языком проворговала она. – У меня есть приношение. Скромное, но ведь и я простая рабыня. Посмотрите, нос у меня проколот и сережка в нем. Я к ведунье Хамусе иду, она меня сама пригласила... Она вас почитает и всегда помнит о вас... Не трогайте меня, пожалуйста...

Шорохи усилились. На мгновение показалось, что дубы наклонились ниже, простерли могучие ветви и вот-вот вцепятся в волосы Нок. Сумерки сгущались за каждым стволом, клубились густым дымом и тянулись к Нок, точно призрачные цепкие руки.

Надо бы прочесть какое-нибудь заклинание, но в голове вдруг стало пусто и звонко. Точно в большой кувшине мамы Мабусы. Мысли исчезли, остался лишь огромный страх. Еще чуть-чуть, и Нок потеряет здравый ум, закричит, забьется в судорогах, как Травка.

В этот самый момент слышались шаги, и из-за темных стволов вынырнула ведунья Хамуса. Она махнула посохом, и ключья призрачного дыма исчезли.

– Не побоялась, значит, девочка. Вот и молодец, вот и молодец. Хорошее утро наступило, ничего не скажешь. Ветер свежий, море беспокойное. Облака нагонит к вечеру, помани мое слово. И будет дождь ночью, вот увидишь. А этих шептунов не бойся, я вот их посохом стукну, если не угомонятся.

Ведунья повернулась и вновь скрылась за стволами деревьев, продолжая приговаривать:

– Дождь – это хорошо. Только вот кости мои ноют на непогоду. Ох, и ноют косточки старые. Скрипят, что твои шпангоуты в бурю... Зменграхам ваши потроха... а смородина твоя будет кстати, очень кстати. Шептуны – они не едят ягод, что ты. Ты бы имдохлых мышей захватила, вот тогда бы они порадовались. Только кто ж тебе даст мышей-то убивать среди бела дня? Да и грех это страшный – убивать священное животное... а шептуны мертвых священных животных любят, да... Им же тоже хочется иметь у себя священных животных, а они мертвые, и живое им не подходит... Такие вот дела... Не подходят им живые священные животные... Им надо мертвых... Мертвые к мертвым, живые к живым... Такие вот дела...

Нок торопилась, стараясь не отстать от ведуньи. К тихому бормотанию Хамусы девушка не прислушивалась, это не ее

дело – слушать, что бормочет старая женщина. Они взбирались вверх, на еще один холм, туда, где лес становился густым и непролазным. Хижина ведуньи Хамусы была в самой середине леса. И как она осмеливается жить в таком страшном месте? Как не умирает от страха каждую ночь, слушая жутких шептунов?

Хижина ведуньи стояла на небольшой полянке. Окруженная со всех сторон огромными дубами, она опускала свою крышу чуть ли не до самой земли, и два небольших окошка темнели под этой крышей, точно два глаза под длинной шевелюрой. Живой казалась хижина Хамусы. Живой и страшной. Как и сам лес, в котором она находилась.

Нагнувшись, Нок прошла в темнеющий дверной проем и словно провалилась в жаркую, душную яму. Хамуса уже суежилась у очага: цепляла на крючок котелок с водой, разводила огонь. И все время что-то приговаривала. То ругала шептунов за то, что крепко напугали «ее девочку», то жаловалась на жару и желала поскорее дождя. То вообще начинала вещать что-то странное о мертвых костях, о погребении, о химаях, караулящих у границ, и о злобных драконах надхехах, что прилетели с севера и не дают покоя людям, работающим на плантациях.

О надхехах Нок и сама немало слышала. Откуда такая напасть на соседние холмы – люди не знали. Но заказывали служения в храме духов Днагао и поговаривали, что пора вызывать охотника на драконов. Только ему под силу прогнать

тварей с облюбованных ими холмов. Надхеги – это не зменграхи, съедят человека в один присест. Морды у них огромные, и владельцы рисовых плантаций уже не раз жаловались старейшинам Линна на свои потери. Рабы гибнут, а это деньги. Деньги, которые владельцы плантаций теряют.

Наконец, когда весело затрещал огонь под котелком, а ягоды смородины оказались в кипящей воде, Хамуса установила на щербатом дубовом столе медную треногу. Каждая медная нога представляла собой узкое тело змеи и заканчивалась змеиной головой с высунутым раздвоенным языком. Посередине треноги, в глубокой испачканной золой чаше, Хамуса развела небольшой огонь, подбрасывая на тонкие прутики мелкий серый порошок. Языки огня от порошка тихо вспыхивали и потрескивали, точно живые.

– Ну-ка, девочка, закрой дверь, – велела Хамуса и добавила: – и не прячь от меня глаза. Сейчас можно, сейчас, когда я буду бросать для тебя кости, мне надо видеть твои глаза. Твои славные, синие глаза... где такие еще увидишь? Подобных глазок еще пойти и поискать в наших землях...

Хамуса нагнулась над столом, сдвинула немного треногу с полыхающим на ней крошечным пламенем и развернула кожаный свиток. Расстелила его на столешнице и провела по нему несколько раз смуглыми ладонями, разглаживая.

Внутри свитка, в самом центре, желтел нарисованный круг солнца с расходящимися во все стороны лучами. Лучи делили свиток на восемь одинаковых частей. В каждой

части, выделенной тонкими штрихами, лежали города, леса, холмы и деревни. У самого солнца располагался Линн и еще три города Свободных Побережий, а от него расходились желтыми линиями дороги, разбегались тропки-ниточки. Леса, холмы, реки. Деревни, плантации, города. Кажется, весь мир развернулся на столе перед Нок.

Хамуса пробормотала еще какое-то заклинание и кинула что-то в огонь на треноге. Запахло резко и горько, тонкий дымок пополз к почерневшим балкам крыши.

Нок почувствовала, как ее начала бить крупная дрожь, застучало бешено в висках и разом вспотели обе ладони. Едкий запах наполнял ноздри, в горле першило. Хотелось кашлять, но Нок только осторожно хмыкала. Дымок над треногой становился гуще и темнее, а ведунья все бормотала и бормотала. На карту она бросила кожаный черный мешочек, откуда попросила Нок достать одну кость.

– Один кубик, девочка. Своей рукой достань один кубик, – низким голосом проговорила Хамуса, не глядя на Нок.

Просовывая руку в узкое отверстие мешочка, Нок поняла, что пальцы у нее дрожат, и она еле-еле удерживает теплую гладкую кость с твердыми гранями. Она вытащила ее и несмело подняла глаза на ведунью. Та, пробормотав еще одно заклинание – или молитву духам, кто знает? – взяла кость и кинула на карту.

Кубик покатился, бесшумно и легко пробежал через разделяющие лучи и лег ровно у города Линна.

– Что ты видишь на нем? – спросила Хамуса, не глядя на карту.

– Солнышко улыбается... – едва слышно пробормотала Нок.

На верхней грани кубика действительно красовался знак улыбающегося солнца.

Огонь на треножнике снова вспыхнул, черный дым повалил сильнее.

– Удача улыбается тебе. Первая кость – кость Судьбы. Она говорит о том, что твоя судьба – это улыбка солнца, что даст свою любовь каждому, несмотря на возраст и положение. Доставай вторую кость.

Нок еще раз опустила руку в мешочек. Теперь ей показалось, что кости нагрелись, стали теплыми, точно ожили. Не сразу, но ей удалось ухватить еще один кубик. Сама судьба наливалась теплом в ее пальцах, готовая раскрыть свои секреты прямо сейчас.

– Бросай... Узнаем, будет ли здоровье и долголетие в твоей жизни. Не подхватишь ли ты болезнь жриц Набары, от которой красота их вянет, а срок жизни уменьшается. Кидай, девочка, – голос Хамусы стал еще более низким и хриплым.

Нок чувствовала, что голова у нее идет кругом, а от нехватки свежего воздуха перед глазами пляшут черные точки. Дрожащими руками она осторожно кинула кубик на карту. Тот подпрыгнул, пару раз перевернулся и замер.

– Что ты видишь на нем? – тут же спросила Хамуса.

Почему она сама не смотрит на кубики? Почему именно Нок должна отвечать?

– Я вижу солнце... – послушно ответила Нок.

– Два солнца подряд – давненько я не встречала такой удачи в жизни человека. Доставай третью кость. Мы знаем, что тебя ждет храм Набары. Но все равно бросай. Это будет на место, где ты найдешь свой дом.

Нок вытащила кубик, ставший горячим и немного светящимся, и снова кинула его на карту. В этот раз Хамуса не задавала вопроса, а сама напряженно всматривалась в прыгающую костяшку. Поворот, еще один поворот, еще. Кубик укатился далеко от Линна, от холма Набары, от Свободных Побережий, поближе к Одиноким королевствам. У Каньона Дождей он замер, улыбнувшись еще раз знаком солнца.

– Третье солнце! – воскликнула Хамуса и отпрянула от столешницы. – Третье солнце! Только у одного может быть три солнца, только у одного... Дим-Хаар знает, знает... Он это сделал, да? Нок, отвечай, ты знаешь, кто ты?

Нок попятилась назад, опустила глаза, торопливо сложила ладони у груди и три раза поклонилась. Страх сковал язык и затуманил мысли... Это ее вина, что выпали три солнца подряд? Что она сделала не так? В чем провинилась?

– Три солнца... у этой девочки три солнца... – без остановки причитала Хамуса.

Ее голос вновь стал обычным, она сгорбилась. Суетливым движением ведунья кинула в огонь на треноге еще горсть ка-

ких-то сухих трав и зло велела:

– Бери еще кость! Ну, давай, раз огонь горит, карта тебе еще предскажет. Бери кость на первого мужчину. Кто даст тебе имя? Кому ты первому подаришь свою любовь и девственность?

Нок несмело просунула руку в мешочек и тихо вскрикнула. Камни обжигали, но послушаться ведунью она не посмела. Закусила губу и вытянула горячий, светящийся кубик.

– Кидай! – громко велела Хамуса.

Кубик покатился по карте. На мгновение он замер, повернувшись гранью с изображением птицы в полете, после вдруг подпрыгнул, еще раз, еще. Каждый его прыжок становился все выше и выше. Кубик ударил в треногу, пылающую огнем, и та перевернулась, рассыпав горячие языки пламени на карту.

Хамуса вдруг вскрикнула и запричитала:

– Я его вижу... я вижу человека... он уже пришел за тобой, девочка! Это он, я знаю его... сильный, очень сильный... очень страшный... от него приходит беда... он приходит туда, где беда...

Кубик, все еще прыгающий по пылающей карте, подскочил и ударил ведунью прямо в лоб. Она закрыла лицо руками и заорала:

– Уходи! Уходи отсюда! Спасайся, пока не поздно...

Нок кинулась к двери. Уже на пороге она оглянулась и увидела, как Хамуса заливает водой из ведра пылающий

стол, треногу и скамейки.

#8. Нок

Покрытая прошлогодними прелыми листьями земля убежала из-под ног и с предательски тихим шорохом съезжала вниз. Нок хваталась руками за стволы молодых дубов, что поднимались рядом с многолетними великанами. Корни вьющихся растений, выгибаясь, бесшумными змеями цеплялись за ее ноги, хватали за край юбки и требовательно замедляли движение.

Девушка понимала, что от ужаса она теряет здравомыслие, что надо остановиться и хотя бы оглядеться, но сил собраться и прогнать страх у нее не осталось. Поэтому деревья мелькали в бешеном беге, ветки хлестали по плечам, и думалось только об одном – поскорее бы оказаться на побережье. Подальше от зловещих деревьев, трескучего пламени в хижине Хамусы и... страшного предсказания.

Об этом Нок будет думать потом. Когда окажется в безопасности, переведет дух и успокоится. Тогда можно будет разобраться, что ждет ее в будущем. Хорошее или плохое... Доброе или злое... а пока – вперед! Сквозь деревья, через ямы и бурелом. Вперед, к плещущемуся прибою. Туда, где спокойно...

По узкой, едва заметной тропинке Нок сбежала с холма и только оказавшись в неглубоком и чистом овражке остановилась и перевела дыхание. Поправила юбку, долго и без-

успешно отряхивая ее от листьев и мелких веточек. Убрала лесной мусор из растрепавшихся кос. Еще раз зачем-то отряхнула юбку. Выпрямилась, подняла глаза и... остолбенела.

Этот миг показался ей бесконечным и до странности безмолвным. Неслышно, совсем неслышно спускался с соседнего холма вчерашний Незнакомец. Черная шляпа с широкими полями надвинута на глаза, кафтан распахнут. Белая рубашка местами порвана и в ярких бурых пятнах крови. Он смотрел на Нок. В упор, не отрывая взора. И глаза его сверкали из-под полей шляпы, точно горящие угли в печи.

Страшные глаза страшного человека... Нок почувствовала, как в горле встал ком, и перехватило дыхание. Ей надо бежать, бежать от Незнакомца, но его пристальный взгляд заволакивал, притягивал, и не было никаких сил сдвинуться с места. Что надо этому человеку? Что, дери его зменграхи, ему надо?!

Незнакомец остановился. Нок внезапно поняла, что уставилась на него, как глупая девчонка, а делать этого не следует. Она рабыня, а глядит на свободного во все глаза! Опустив взор, девушка медленно выдохнула. Сложила ладони вместе, три раза поклонилась. После, на всякий случай, поклонилась еще раз.

Хорошо, что поднимать глаза не обязательно, что можно не смотреть на Незнакомца.

– Проходи, девушка, – прозвучал низкий голос.

Краем глаз Нок с ужасом заметила, что мужчина ответил на поклон. Он слегка наклонил голову и вытянул руку в кожаной перчатке, показывая, что путь свободен. Девушка сдвинулась с места и глянула мельком на него. Перчатка в крови... Или ей показалось?

Огромный мешок в другой руке Незнакомца обтягивал что-то большое, круглое. Что-то, с чего капала кровь...

Подхватив подол юбки, Нок кинулась бежать, понимая, что умирает от страха и сердце вот-вот остановится. Духи, за что ей все это, за что?

Девушка не помнила, как добралась до Корабельного двора, как смывала пыль с ног и пот с лица. Еж давно проснулся, и в хижине только крепко спала Травка. И это не удивительно, после такой ночи и Нок бы сейчас легла и крепко уснула. До самого вечера, а еще лучше – до самого утра.

За что на нее свалилось столько неприятностей? Сначала глупое предсказание Нгаца, после непонятно как выпавшие кости. А в довершение всего страшный Незнакомец. Ведь у него на руках была кровь, и, судя по всему, это не его кровь. И в мешке была кровь. И не только кровь, а тела. Разрубленные тела людей или только их головы...

Кто он такой? Что делает здесь, в Свободных Побережьях? Вдруг он убийца? Есть же такие люди. Они не могут жить без убийств. Им это необходимо, они так получают свое собственное добро. Таким людям хорошо на войне, а если войны нет, они просто рыщут по дорогам и убивают бродяг,

нищих или одиноких людей. Вот и этот – такой же убийца... а вдруг он присмотрел для себя Нок?

Чувствуя, как зубы выбивают дрожь, девушка стянула с себя юбку. Юбка – слишком нарядная одежда для уборки зала Корабельного двора. Надо надеть темно-синие, немаркие шаровары и голубую тунику. Косы она после переплетет. Солнце поднялось уже очень высоко, и мама Мабуса наверняка будет ругать ее за такую долгую отлучку. А что она ей скажет? Что ей выпало три солнца на костях ведуньи, а после кости сошли с ума и все в хижине загорелось? И это все из-за нее, Нок?

Хамусу в Линне все знают и все боятся. Ругать девушку за то, что она ходила к ведунье, мама Мабуса сильно не станет. Но что сказать о предсказании? Ничего себе, улыбка судьбы... Перевернутая тренога, пожар. И Незнакомец в довершение всех бед. Чтобы всем так судьба улыбалась, дери его зменграхи!

Нок, резко дергая гребнем, расчесала длинные концы кос и выскочила из комнаты.

Еж и Малышка домывали зал, скребя полы щетками изо всех сил. Сурово поджав губы, у выхода на улицу стояла мама Мабуса. Глаза ее сверкали ярче коралловых бусин, а сведенные к переносице брови сливались в одну густую полосу, черную, точно угли, что выгребает из печи по утрам повар Тинки-Мэ.

– И где это ходила моя Нок с утра? – громыхнула она, и

Еж, вздрогнув, втянул голову в плечи.

Нок поклонилась, привычно сложив ладони, после ответила, не поднимая глаз:

– Ведунья Хамуса вчера велела с рассветом солнца прийти к ней.

– И что? Нельзя было сказать мне? Язык у тебя отсох или в голове осталось только кислое молоко? Вот уж дура так дура!

Мама Мабуса приблизилась и с силой щелкнула Нок по лбу. Пальцы у нее были крепкие и сильные. Почти мужские пальцы, и щелчок получился довольно ощутимый.

– И что сказала Хамуса? Ну?

Нок замялась, после сказала:

– У нее в хижине пожар случился. Плохо дело, очень плохо. Не к добру все это, так она сказала...

– Вот же глупая. Ладно, ступай. Сиди сегодня во дворе и не ходи никуда, ясно? Работы тебе хватит. Да, за этими двумя присматривай. И чтобы тихо было, иначе все кости вытрясу из вас, бездельники.

Мама Мабуса ступила на скрипучую лестницу, поднимающуюся на второй этаж, и проворчала, уже сама себе:

– Разбаловались они... привыкли, что все им потакают... Бегают по городу, точно вольные, а работа не делается. Выдеру я их за такие дела, только пусть окажется, что зал недостаточно хорошо вымыт или посуда не расставлена. Выпорю так, что шкура слезет, а новая не скоро нарастет.

Нок взялась за посуду. Перемыла все грязные еще с вечера

кружки. Вытерла прилавок, полки. Тщательно вымела мусор с пола из-под прилавка. Ни Еж, ни Малышка ни о чем ее не спрашивали. Видать, поняли по лицу, что что-то случилось, и не приставали с расспросами.

Дети привели в порядок зал, натаскали к печи хвороста. Только после этого пристроились завтракать во внутреннем дворике, у колодца.

– Ну, как? – шепотом спросил Еж. – Что сказала Хамуса?

– Не могу тебе рассказать, – тихо ответила ему Нок, – и не спрашивай ничего. Я сама не могу до конца разобраться – доброе она предсказала или плохое. Непонятно, и все тут.

– Как это не понятно? Что, не можешь понять, хорошее ли предсказание? Она что, не кидала кости на здоровье и удачу? Ты будешь здорова?

– Ну... вроде бы да. Вроде бы я буду здорова, и у меня всегда будет удача.

– Так ведь это хорошее предсказание. Да? Хорошее?

– Не знаю, – буркнула Нок, – наверное... я устала, пойду вздремну. Если мама Мабуса позовет, разбудите. Ясно?

– Ясно... – ворчливо ответил Еж. – Что тут неясного... Странная какая-то ты пришла, не рассказываешь ничего. Какая блоха тебя укусила? Какая зараза в лесу пристала? Может, шептуны напугали?

Нок даже не глянула на него. Сунула последний кусок лепешки за щеку и направилась к хижине. Надо просто уснуть и ни о чем не думать. Вот и все. Потом видно будет...

А в это время в Корабельный двор пришла Хамуса. Пришла и потребовала увидеть Нок. Что-то сказала маме Мабусе, и та провела ее до самой хижины, где на матрасе дремала девушка, упершись ногами в неподвижную Травку. И вот, разлепив отяжелевшие веки, Нок увидела перед собой суровое смуглое лицо лесной женщины. Сон развеялся в одно мгновение. Нок подскочила, поклонилась. Еще раз и еще.

– Вот вы где, значит... – проговорила Хамуса, глянула на спящую Травку и тут же велела: – девочку эту береги пуще зеницы ока. Возможно, жрицы Набары разрешат ее ввести в свой храм, ведь ты связана с ней закланием. Так должно быть. Поэтому смотри за ней, – Хамуса подняла указательный палец и ткнула им в лоб Нок, – смотри как следует. Чтобы не погибла, не пропала. А там духи знают... Вот значит что... да... Зачем я пришла? Передать тебе кое-что. Амулет. Для тебя сплела вчера. Маме Мабусе я сказала, что ты забыла у меня охранный браслет, что вроде упал он с твоей руки. А о предсказании ты никому не говори, не следует. Кости не любят, когда всем рассказывают об их предсказаниях. Так что не болтай языком, девочка, и будет добро в твоей жизни. Вот увидишь. На, бери, что я тебе принесла.

И Хамуса сунула в руки Нок сплетенную из сухой соломы куклу. Небольшую, размером с ладонь. У нее были круглая голова, повязанная куском яркой ткани, и растопыренные руки.

– В этой кукле не простые травы. Была у меня одна тра-

ва сушеная, Доимху Тор называется. Когда она в своей силе и растет в правильном месте, она, эта трава, многое может. А тут, в амулете сухие стебли, они уже не такие страшные. Но говорить еще могут, да. Когда надо, они могут заговорить. Тебе эта кукла пригодится, девочка. Как нужен будет тебе совет, так произнеси заклятие, которому учил тебя Дим-Хаар и которое ты произносишь вот над ней, – Хамуса кивнула на Травку, – произнеси заклятие в пустую ночь, и амулет даст ответ. Увидишь сама. А я пойду, что-то нехорошо мне... Жарко и давит, давит к земле воздух. Ночью пойдет дождь, вот увидишь сама... дождь ночью – это хорошо, очень хорошо...

Хамуса повернулась и вышла из хижины. В руках Нок осталась соломенная кукла с безглазым лицом.

Пустой ночью произнести заклинание... Ничего сложного и страшного. Хамуса называла ночь «пустой», когда не было ни одного полнолуния. Старое название, но Хамуса часто пользовалась старыми названиями.

Присев на матрас, Нок почувствовала, как чуть качнулась кровать. Едва заметно дернула пыльной ногой спящая Травка. На ее осунувшемся личике застыла горестная маска, кончики рта опустились, и медное колечко в правой ноздре казалось тусклым. Ее бы сводить на Песчаную косу и выкупать хорошенько. Но это сложно, очень сложно. Ходить Травка не любит, всего боится, и на улице на нее нападает столбняк. Она застывает на месте и закрывает лицо локтем, так, чтобы

самой ничего не видеть. И ведь не добьешься от нее ни слова. Ничего не скажет, как будто языка у нее нет.

Нок вздохнула и привычно дотронулась до браслетов – по очереди на каждом запястье. И вздрогнула... На правой руке не хватало одного браслета. Кожаной веревочки с нанизанными на нее крупными черными деревянными бусинами. Три бусины на черной веревочке – где они?

Браслет от сглаза пропал!

Нок вскочила с кровати, опустилась на колени и принялась шарить по полу. Может, он завалился куда, пока она спала?

Где-то в углу хижины пискнула мышь, видимо, испуганная возней Нок. Мыши – это хорошо, это добрый знак. Они – священные животные, и там, где есть мыши, ничего злого не должно быть. А зло – это потерять браслет от сглаза. Это очень большое зло. Как же она теперь будет без браслета? Как на улице покажется?

А мама Мабуса, если узнает, еще и нащелкает по голове. Нечего, мол, рот раскрывать и зевать по сторонам. Если бы она, Нок, была внимательнее, то ничего бы не случилось. И так далее...

Видать, начинают сбываться плохие предсказания. Просто на глазах. Плохой знак – потерять браслет от сглаза. Очень плохой знак. Сегодня просто день плохих знаков.

Взгляд Нок упал на соломенную куклу, брошенную на матрас. Спросить у нее, что ли?

Нок протянула руку, дотронулась до амулета и почувствовала, как непонятная тоска вспыхнула в душе, точно огонь на треноге Хамусы. Неживая кукла казалась немой свидетельницей ее глупости. Глупости и неудачливости.

Вздохнув, Нок поднялась. Сунула в мешочек с вещами, что лежал в изголовье, подарок ведуньи и вышла из хижины. Надо пойти и помочь маме Мабусе. Иначе снова можно получить по лбу.

#9. Нок

В этот вечер в зале Корабельного двора говорили о надхехах и об охотнике на них.

Совет старейшин собрал деньги со всех жителей города, и даже чернобородый Нитман внес свою лепту, о чем теперь громко хвастал на весь зал. Этими деньгами расплатились с охотником, который поутру принес старейшинам три драконьих головы и заверил, что надхеги больше не побеспокоят плантации в окрестностях Линна.

– Мы думали, что там два дракона. По крайней мере, на южном склоне Змеиной горки видели двоих. И рассказывали о двоих. Повадились твари прилетать каждые четыре дня и хватать рабов, что трудились в этих местах. Там же рисовые поля Имуга, и его люди на полях. Надхеги, видимо, решили, что там самое место для охоты. Даже гнездо себе обустроили. Самец и самка. Точнее, мы думали, что самец и самка, – Нитман шумно отхлебнул из кружки и обвел глазами собравшихся около его стола людей.

Он был страшно горд тем, что знает все городские новости, и моряки, только ступившие на берег, теперь слушают его и поглаживают бороды, удивляясь рассказам о драконах.

Нок и самой было страшно любопытно послушать про надхегов. Дракон, который может слопать человека в один присест, – это вам не брехливая собака и не бодливая коза ста-

рика Думана, что живет у самого подхода к морю со стороны Корабельного двора. Потому она проворно двигалась между столами, разнося кружки с пивом и забирая пустые миски из-под рыбы, соусов и риса, а сама старалась ни слова не пропустить из рассказа Нитмана.

– Ну, и что дальше? – заторопили его люди.

– А на деле там оказались две самки и два гнезда, значит. А самец у них один был. Это как в курятнике – один петух на несколько куриц. Так и тут. Принес охотник Ог три головы и показал, где самец, а где самка. Самки, они без боковых рогов на морде. Только гребень на спине и крылья не такие большие. А самец и с рогами, и с гребнем. Я эти рога вот так близко видел, как вас всех сейчас. И руками трогал. Три головы, дери меня зменграхи! Три драконьих головы принес охотник Ог, а сам целехонький. И как он их убил, не рассказывал. А я вам скажу – колдовством!

Нитман еще раз отхлебнул пива и задрал вверх бороду, точно озвучил очень-очень умную мысль, до которой никто сам не мог додуматься.

– Так как же он колдует? Кто-нибудь видел его амулеты? – слышалось из зала.

– В том-то все и дело, Гуссовых осьминогов потроха! – воскликнул Нитман. – Я сам смотрел на этого охотника, вот как на вас сейчас смотрю, сожри мой язык ерши Гусса! Да, на руках у него были браслеты, пара браслетов. Так, кожаные ремешки с бусинами, вон, как у нашей Нок от сглаза. Чер-

ные, красные и белые бусины. И все! Ни амулетов на шее, ни костяшек каких-то на поясе. Шляпа, рубаха и кафтан. А сам страшный, как Гуссовы утопленники. Черный, глаза-стый, глянет – и душа в пятки уходит. И денег он попросил, скажу я вам...

Нитман откинулся на спинку стула и весело отрыгнул. Народ еще ближе навалился на столик, за которым сидел рассказчик.

– Не тяни, Нитман, тянешь, точно кишки из нугаря... Рассказывай! – потребовали благодарные слушатели.

– Три мешочка золотом взял он. Три! Мешочка! Суэмского золота! За каждую голову по мешку. И старейшины ему не отказали. И я бы не отказал, скажу я вам. Лишь бы этот глазастый убрался из наших Побережий.

Вот, значит, кого встретила Нок сегодня и вчера! Страшный Незнакомец в шляпе – это охотник Ог! И кровь в его мешке, и головы – драконьи!

Девушка вздохнула с облегчением. Значит, не за ней приходил Незнакомец в Линн, и не одну ее напугал своими жуткими глазами. А она, глупая, покой потеряла... Вот же ду-реха! Нок вернулась к стойке, привычно провела рукой по браслетам и мысленно поблагодарила духов.

Поздно ночью, вернувшись в хижину, она обнаружила проснувшуюся Травку. Еще одна забота на ее голову. Вздохнула, взяла девочку за руку и повела к колодцу. Умыла хорошенько, сполоснула ее пыльные ножки. После принесла ей

лепешки, молоко и кусок жареной рыбы.

Травка ела очень медленно. Точно растерянная курица сидела на пороге хижины и бледный свет кособокого Маниеса едва отражался в ее темных глазах. Еж уже успел завалиться спать рядом с сопящей Малышкой. Везет ему. Нок тоже бы легла. Глаза слипаются, голова тяжелая. Денек сегодня выдался нелегкий. Но где тут ляжешь, когда девчонка еле-еле двигает челюстями.

– И зачем ты нужна жрецам храма? – тихо пробормотала Нок, опускаясь на порог рядом с Травкой.

Ответа она не ждала, ведь его не будет, ответа-то.

А действительно, зачем жрецам нужен этот дикий, бестолковый ребенок? В странных видениях, которые иногда видела Нок, она сама произносила заклятия и творила колдовство. В них постоянно звучали непонятные слова «должна набраться сил». Каких сил? Какие силы могут быть у этой тщедушной и худющей пятилетней девочки?

Наконец молоко было выпито, а рыба и лепешка съедены.

– Пошли, что ли... – пробормотала Нок, взяла Травку под мышки и затянула в хижину.

Пусть теперь делает что хочет. Хочет – бусы перебирает, хочет – в темноту таращится. Это ее дело. А Нок завалится спать. Рассвет совсем скоро, надо будет вставать и отмывать зал Корабельного двора. Работа всегда должна делаться...

#10. Нок

Рассвет хмуро окрасил набежавшие облака в розовый и застыл. Солнце затерялось в розовеющем мареве, и подул, наконец, свежий, прохладный ветер.

Нок обходила лужи, перепрыгивая с камня на камень. У колодца дождевая вода разлилась, точно море – не обойти, не перепрыгнуть. Девушка кинула большой камень в середину лужи, осторожно встала на него. Нормально, не качается. Можно опускать ведро в колодец.

Привычно глянула на ветки шелковицы и провела рукой по браслетам. Только бы сегодня не случилось с ней ничего страшного и необычного. Никаких предсказаний и никаких Незнакомцев... Пусть будет обычный день и спокойная ночь. Да pošлют духи удачу и покой на Корабельный двор мамы Мабусы.

С тяжелым ведром в руке Нок поднялась в зал и остановилась. За одним из столиков сидел, вытянув ноги, Незнакомец. Шляпа надвинута на глаза, руки лежат на столешнице. Большие ладони с потемневшими, давно нестриженными ногтями. Как он сюда попал? Кто ему открыл дверь?

Появилась мама Мабуса. Поставила перед посетителем кружку пива и мисочку с соленой рыбой. Сама села напротив и заговорила, радушно сверкнув белыми зубами:

– Вот она, эта Нок. Можешь сам посмотреть, почтенный.

Только никак не возьму в толк, зачем она тебе.

Незнакомец ровным, низким голосом пояснил:

– Я говорил со жрецом Дим-Хааром. Могу купить и Нок, и двоих детей вместе с ней, если только мы сойдемся с тобой в цене, Мабуса. Я предложил цену, она тебя устраивает?

– Цена хорошая, Ог, – голос Мабусы зазвенел десятком радостных колокольчиков. – Такую цену кто еще предложит, почтенный? Значит, ты собираешься купить для себя девочку, на плече которой шесть цветочков? Хочешь иметь собственную жрицу в доме? Знаю я вас, охотников и рыбаков...

Ог никак не ответил на лукавые намеки мамы Мабусы. Все таким же ровным, уверенным голосом он ответил, цедя слова сквозь черную бороду:

– Нок еще не жрица, ее не посвящали Набаре. А что я хочу, тебя не касается. Если торг состоится, я забираю эту девочку, мальчика и младшую девочку. За каждого ты получаешь по мешочку золота. Вряд ли столько тебе дадут в храме богини любви. Ты совершаешь выгодную сделку, а я получаю то, что хочу. И никаких вопросов. Ну что, ты согласна?

Нок втянула плечи и тихонько опустила ведро на пол. Сейчас со всей ясностью она поняла, что Незнакомец покупает ее, и мама Мабуса не откажет ему. И она сама ничего не сможет поделать. Никто не будет спрашивать ее, хочет она принадлежать охотнику или нет. Права выбора у нее нет. У нее вообще нет никаких прав, она рабыня и должна подчиняться.

Предсказание Хамусы сбылось очень быстро. Ог пришел за ней, платит золотом, и ничего поделать тут нельзя.

– Сделка состоится, – тут же отозвалась Мабуса, – еще как состоится. Я сейчас принесу свиток, и мы его подпишем. А ты пока ешь, рыбу я сама солила, она хороша с пряными травами.

Для того чтобы купить раба, нужны только подписи на купчей. Мама Мабуса достала из резного сундучка под прилавком свиток рисовой бумаги и спросила охотника:

– Умеешь писать, почтенный?

Он невозмутимо кивнул. Не притронулся к угощению. Так и сидел, вытянув ноги и надвинув на глаза шляпу.

Нок смотрела, как слегка подрагивают края свитка, как ложатся темные буквы, скрепляющие договор. Вот за перо взялась мама Мабуса, вот она помахала свитком, чтобы скорее высохли чернила.

После она обернулась и велела:

– Нок, не стой как дура. Иди, собирай вещи. И Ежу вели собираться. Охотник Ог купил вас троих, вместе с проклятой Травкой вашей – вот уже не думала, что удастся от нее избавиться. И заплатил за вас хорошо. Теперь, девочка, у тебя новый хозяин. А уж он решит, какому храму тебя продать. – И мама Мабуса засмеялась своей шутке.

Нок повернулась и вышла. Не зря она вчера потеряла браслет с руки. Не зря прыгали кости у Хамусы в хижине. Не зря встречался на пути Незнакомец. Он изменил ее судьбу.

И теперь она станет не жрицей почитаемой в городе богини, а... Кем она станет? Личной рабыней бородатого охотника? Будет отдавать свою любовь только ему?

Ведь не для плантации же он купил их троих и заплатил такие огромные деньги. Все, что дал город за убитых драконов, все пошло в уплату за троих рабов. Ладно, она, Нок, стоит дорого – все благодаря цветкам на плече. А Еж не стоит мешочка золотых. За него хватило бы и серебра. Он же совсем еще мальчик, какой с него толк? Травку так вообще никто и даром не взял бы. Порченный, больной ребенок. Почему-то жрецы храма трясутся над ней, и Хамуса тоже. Больше никому Травка не нужна. Значит, охотник Ог купил их троих для себя.

У колодца возился Еж, осторожно мочил щеки и хлебал воду прямо с ладоней. Подпрыгивал на камне, точно воробей, ежился от ветра.

– Нас продали, – с убийственным спокойствием сказала ему Нок, – нас продали. И меня, и тебя, и Травку. Тому самому охотнику, что убил драконов для города. Иди, собирай вещи.

– Что? – удивленно хлопнул ресницами Еж. – Что надо делать?

– Вещи собирать, глупый. Мы уходим вместе с охотником Огом прямо сейчас.

– Ты шутишь. Напугать меня решила? Так я тебе и поверил, – хмыкнул Еж и плеснул на Нок водой из ведра.

– Вот появится мама Мабуса и покажет тебе, кто шутит, а кто нет. Она велела собираться. Сложи свои штаны в мешок и рубашку захвати. Если не веришь, сбегай и спроси у нее.

Нок повернулась и зашагала к хижине.

Малышка еще спала, развалившись на кровати. А вот Травка проснулась, будто почувствовала неладное. Она усе-лась на край кровати и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Девочка всегда так делала, когда волновалась или чего-то боялась.

Нок задумалась. Что брать с собой? У нее две пары шаровар, две туники, одна рубашка для уборки и сна. И одна юбка, нарядная и цветастая. Может она брать с собой эту одежду или нет?

В храме Набары ей бы дали красивую одежду, новые браслеты. Нок бы почитали, ее ночи покупали бы. А сейчас ей купят новую одежду или она так и будет всю жизнь ходить в темных шароварах? Что ей придется делать теперь? Кто ей расскажет, как отдавать любовь, как угодить мужчине, как придать сладости ночам, которые мужчина будет проводить с ней? Мама Мабуса всегда говорила, что ее всему научат в храме Набары. А теперь кто ее будет учить? Бородатый и грязный охотник Ог?

Видать, он заметил на улицах Нок, и она показалась ему желанной и красивой. Потому он и решил купить ее для себя. Дикарь и болван! Купил бы ночь любой рабыни, так обо-шлось бы дешевле и толку было бы больше. Какой смысл по-

лучать удовольствие только от одной девушки, пусть даже и красивой, когда каждую ночь можно покупать разных?

Нок кинула на дно холщового мешка соломенную куклу – подарок Хамусы. Сунула пару штанов, тунику. Подумала немного и туда же забросила юбку. Ничего, мама Мабуса не разорится, если купит Малышке новую. Ей нынче перепало немало золота, на юбку должно хватить.

Девушка чувствовала, как злость все сильнее разгорается внутри нее, и ей захотелось выплеснуть все это, как выплескивает каждое утро ведро воды на пол в зале.

– Ну, что стоишь? – толкнула она Травку, – выходи давай.

У девочки и вовсе была одна рубаха, длинная, без рукавов. Нок иногда стирала ее и вешала на веревку на улице. На солнце рубашка высыхала за час. А пока она сохла, Травка разгулиwała голышом. Вернее, не разгуливала, а сидела на кровати и перебирала бусы.

Наконец появился Еж. Он рассеянно взлохматил волосы и пробормотал:

– А мне что с собой брать?

– Штаны и рубашки, болван.

– Что, у меня рубашек много? Рубашка одна. Штанов двое.

Да, у него была одна рубашка, на особый случай. А так он обычно ходил с голым торсом. Иногда натягивал кожаный жилет, когда ходил в ночь ловить рыбу.

– Вот и бери с собой то, что есть. Мама Мабуса что тебе

сказала?

– Сказала собрать вещи.

– Так что спрашиваешь?

Ог все так же сидел за столом, и перед ним по-прежнему стояла нетронутая кружка с пивом и полная мисочка рыбы. Что, охотники не едят рыбу? Нок бросила на него быстрый взгляд и опустила глаза. Теперь он ее хозяин, тем более не положено глазеть на него.

– Вот Нок, Травка и Еж, – громко пропела довольная мама Мабуса, – ты отправляешься с караваном, почтенный?

Охотник Ог поднялся, внимательно осмотрел всех троих и, не глядя на женщину, велел:

– Пошли. Пусть удача улыбается тебе всегда, Мабуса. И пусть золото не переводится в твоих мешочках.

– Да хранят тебя духи, охотник.

#11. Нок

Было еще очень рано, и узкие улочки встречали прохожих тишиной и прохладой, поблескивая мокрым после дождя камнем. Где-то тявкали собаки. Рыбаки уходили в море затемно, потому сети с просушек были убраны, и на небольшой пристани, куда дети вышли вслед за охотником Огом, виднелись только пустые колышки. Лодки давно качались на волнах далеко от берега.

Нок оглянулась на беспокойную воду, тяжело бьющуюся о причал. Неужели она больше никогда не увидит море, бухты? Не увидит блестящей, проворной рыбы в сетях, высоких кораблей с острыми бушпритами и белыми парусами? И эти скалы, крутые и неприступные, навсегда останутся позади? И тихий храм духов Днагао?... Хотя там, куда они придут, наверняка будет свой храм, но уже без добродушного жреца Дим-Хаара. А вдруг Ог живет в землях, где стоят храмы Всех Знающих?

Охотник шел немного впереди, стараясь замедлять шаг, чтобы дети поспевали за ним. Нок осторожно изучала его, но сколько бы она ни всматривалась в широкую спину, в огромный меч за плечами, в пряди черных отросших волос, выглядывающих из-под шляпы, не могла отделаться от страха. Именно это чувство внушал новый хозяин.

Мамы Мабусы она не боялась. Да, хозяйка могла наказать

за нерадивость, отругать и хорошенько щелкнуть по голове. Но Нок всегда знала, чего можно ожидать от будущего. Все было понятным и предсказуемым. Все было обычным и простым. Мытье полов, прислуживание в таверне, беготня на рынок и на Песчаную косу.

И будущее тоже было понятным. Храм с красивыми жрицами, новые обязанности. Для рабыни стать храмовой жрицей считалось высшим счастьем – так думала Нок. Это гораздо лучше, чем надрываться на плантациях или таскать тяжести на рынке.

А теперь ни золота на ногах, ни золота в носу. Кто ж подарит дорогую сережку домашнему рабу? Да никто, это просто-напросто не принято.

Кроме того, новый хозяин с пронзительным, странным взглядом внушал ужас. Нок не могла понять почему, но все в этом человеке ее пугало. И то, как он смотрел, и то, как говорил. И даже то, как молчал.

А Ог не сказал ни слова с того самого момента, как они вышли из Корабельного двора. Еж хотел было провести рукой по бушприту кораблика на счастье, но не успел, потому что к ним сразу же кинулись два огромных черных пса, обнюхали, недобро сверкнув глазами. Охотник свистнул собакам, и они побежали рядом с ним, изредка косясь на троих новых рабов.

И все-таки Нок не могла понять, зачем Огу покупать детей? Ладно бы купил взрослых, сильных рабов для дома. На-

верняка, у него есть плантация или большой дом. Ведь за убийство драконов платят ему немало, значит, он не бедный. Взрослые рабы очень даже нужны в хозяйстве.

А какой толк вот с Ежа, например? Полы мыть он умеет, это да. Но ни дров толком не нарубит, ни воды с колодца не натаस्कлет. Так, мальчик для побегушек. И стоят такие мальчишки мешок серебра за десяток. А Ог заплатил за Ежа мешок суэмского золота. Или все три мешка полагались за Нок, а остальных охотник взял в придачу, чтобы хоть что-то еще получить за такие деньги?

Не спеша они прошли мимо пристани и двинулись дальше по длинному пляжу, огибающему Песчаную косу и уходящему далеко на юг. Охотник все так же не оглядывался. А следом за тремя новыми рабами бежали черные собаки, молчаливые и настороженные. Вот кто будет охранять рабов в дороге! От этих черных псов не скроешься...

Мысли о побеге у Нок возникли и тут же пропали. Куда бежать? Что делать с дыркой в ноздре? Как жить? Это бесполезно, бежать не имеет смысла... Чтоб Гуссовы утопленники побрали этого клятого охотника! И принесла ж его нелегкая в Линн!

Травка вдруг замерла на месте, уперлась взглядом в собственные босые ноги, несколько раз быстро моргнула, села на песок и медленно закачалась. Ну вот, началось... Что теперь делать-то?

Псы остановились, и Нок отчетливо поняла, что собаки

теперь отвечают за них и всегда будут находиться рядом. Один из псов, мягко ступая, приблизился к Травке и ткнул ее носом. Но она не обратила на него никакого внимания. Видимо, яркий свет дня очень сильно впечатлил ее. Или шорох набегающих волн, или мягкость песка под босыми пальцами ног. Пойди, разбери, что ей надо...

Охотник оглянулся и спокойно произнес:

– Возьми девочку на руки и неси ее. Она слишком мала для такого длинного пути и голодна.

Ни ругательств, ни проклятий. Лицо все так же прячется в тени шляпы, лишь глаза смотрят пристально и недобро. Один из псов угрожающе зарычал, и Еж, схватив Нок за руку, громко прошептал:

– Бери ее. Будем по очереди нести. Она же не тяжелая вовсе...

– Зменграхам ваши потроха... – пробормотала девушка и взяла девочку на руки.

Та сразу обмякла, как тряпка. Перекинула одну руку за плечо Нок, устроившись удобнее.

Вот же лентяйка! Наверняка, специально разыграла представление, лишь бы не идти своими ногами. И не спросишь ее ни о чем, и по голове ей настучать страшно. Вдруг завоет и забьется в припадке тут, прямо на песке, у моря? И что тогда будет? Незнакомец, наконец, поймет, кого приобрел на свое золото, и вернет всех обратно маме Мабусе? Как бы там ни было, но послушаться хозяина Нок не посмела. Тащила на се-

бе Травку, которая действительно не была тяжелой. Изредка шипела сквозь зубы ругательства.

А впереди по-прежнему возвышалась спина охотника Ога. Чуть поблескивала в лучах солнца замысловатая рукоять длинного меча. Простые деревянные ножны, обтянутые кожей. Без драгоценных камней и вытравленных узоров. Без заклинаний, которые жрецы храмов наносят для того, чтобы придать сил владельцу меча, заклинания-обереги их еще называли. Еж о них знал все, а Нок просто слышала краем уха, когда посетители Корабельного двора обсуждали оружие.

Такие прямые длинные мечи бывают у рыцарей, это Нок знала. Здесь, в Свободных Побережьях все больше пользовались слегка загнутыми саблями и жуткими широкими ятаганами. Воины, охранявшие города, носили с собой еще и длинные копья.

Очень скоро они приблизились к городской стене, огибающей четыре холма от побережья до побережья с востока. Со стороны моря нападения не ожидали – некому там было нападать. Рыцари Ордена не имели ни кораблей, ни выхода к морю. А баймы и вовсе понятия не имели о мореплавании. Да и находились их земли на востоке, с противоположной стороны от моря. На востоке – земли Меисхуттур, где живут баймы, на юге – Одинокое королевства, Нижнее и Верхнее. В Нижнем главенствует Орден Всех Знающих, в Верхнем – маги.

Все эти земли считали опасными, потому стены Линна постоянно укреплялись, и воины с копьями караулили на башнях днем и ночью.

Маленькие ворота, оббитые железом и украшенные гербами, изображающими морского духа Гусса с длинной бородой и восемью щупальцами вместо ног, оказались уже открыты. Запасные ворота, называемые Гуссовыми. Через них проходили пастухи со стадами коз и проезжали торговцы рыбой, что имели несколько лодок и сами в море за уловом не ходили.

Трое воинов с копьями равнодушно глянули на Ога и детей, слегка поклонились. Видимо, узнали знаменитого охотника, победившего драконов. Они звонко стукнули о мощеную камнем площадь древками копий и посторонились.

Правда, сразу пройти в Гуссовы ворота не удалось. Фыркающая и мотая головами, две невысокие кобылки показались перед входом. Это молочница Носи привезла свой товар на рынок. Лошадьми правил ее старший сын – веселый черноглазый парень, чьей белозубой улыбкой украдкой любовалась Нок, когда покупала сметану у его матери. Теперь и Сенеху – так звали парня – девушка больше не увидит. А ведь лелеяла она в душе слабую надежду, что однажды он придет в храм Набары и купит хотя бы одну ее ночь. А может и не одну. Ведь по всему же городу прошла молва о красоте Нок, и сам Сенеха постоянно смотрел на нее и улыбался, пока она рассчитывалась и забирала сметану с прилавка.

А теперь что ее ждет? Мысли стали горькими, как полынь, что росла на холме у храма духов Днагао.

Опустив глаза, как и положено рабыне, Нок прошла через Гуссовы ворота, чувствуя, что черные псы следуют за ней по пятам. Собак этих она именно чувствовала. Внутри себя ощущала их пристальное внимание и готовность схватить за пятки, если рабы вздумают бежать или не слушаться.

Таким собакам и приказывать не надо. Они повинуются воле своего хозяина без приказов. Раз рабы стали хозяйским добром, значит, их обязанность – охранять это добро. И они свою обязанность выполняли хорошо.

Потому Нок не задерживалась. Бодро шагала вслед за Огом, прижимая к себе Травку. Та замерла, безучастно глядя куда-то вбок. Теперь, когда девушка с ребенком на руках прошла половину городского побережья и даже вышла за стены, она ощутила, как устали запястья. А ведь день только начался и к обеду Нок вовсе перестанет чувствовать свои руки.

Охотник внезапно обернулся и велел:

– Пусть мальчик возьмет младшую девочку и понесет немного. Тут недалеко.

Еж нехотя подхватил Травку и посадил на плечи. Та вцепилась в него и уставилась вперед немигающим, пристальным взглядом. Уставилась прямо на охотника. Глаза ее стали большими, точно Ог показался ей не то чудом чудным, не то дивом дивным.

– Нас ждут кони, поедem верхом, – пояснил охотник и снова двинулся вперед.

И вот перед ними опять расстилается пляж с желтым песком, шипят волны, кричат чайки. Белеют у самой кромки горизонта широкие паруса галиота, уходящего в дальнее плавание. Недалеко в воде плещутся дети рыбаков, ищут крабов под камнями, смеются и хвастают друг перед другом своими находками. Море всегда прокормит. Если нет шторма, то можно найти ленивых крабов, надо только знать, где нырять.

– Должно быть, это «Ветер Линна», – задумчиво сказал Еж, всматриваясь в горизонт.

– Наверное, – согласилась с ним Нок.

Она никогда не интересовалась тем, какие корабли должны отплыть, а какие приплыть. Не знала их названий, но сейчас почему-то пожалела об этом. Теперь ведь никогда и не узнает. Не будет больше веселой рыбацкой болтовни, шумных вечеров в таверне. А что будет – неизвестно.

Конечно, она должна была покинуть Корабельный двор, но храм Набары располагался совсем рядом, на одном из городских холмов. Вот сейчас они обогнут извилистую кромку пляжа, приблизятся к Железному тракту, прозванному так за то, что ведет в Одинокие королевства, где живут рыцари Ордена, и можно будет увидеть чуть поблескивающую в лучах солнца крышу узкой башни храма. Шпиль башни венчало посеребренное изображение полной Аниес – той, что всегда спешит за своим супругом Маниесом. Той, что управ-

ляет приливами и заставляет косяки рыб приходить в бухту Линна.

С храмового холма Нок могла бы видеть и бухту, и паруса кораблей. Длинные, одномачтовые галеры с Королевских островов, высокие галиоты с короткими бушпритами, корабли суэмцев с вырезанными единорогами на носах. Суэмцы хоть и жили далеко-далеко на востоке, но мореходами были искусными. Их корабли, оснащенные диковинными приборами, имели несколько мачт и казались огромными белыми птицами. Суэмцы плавали только при помощи ветра, гребцов на их судах никогда не было. Потому что суэмцы не признавали рабства. Станные они люди, но разве запретишь кому-то быть странным?

Нок немного задержалась, не в силах оторвать взгляд от набегающих волн. Ей почему-то ужасно захотелось есть. Только что испеченных лепешек Тинки-Мэ. И жареной рыбы, у которой мякоть белая и жирная, а корочка коричневая и хрустящая.

В храме Набары жриц берегут и холят. Кормят красной рыбой и диковинными оранжевыми фруктами с сочной прозрачной мякотью. А также белыми лепешками на меду, сушеными финиками и изюмом. Все это рассказывала Нок мама Мабуса.

Интересно, чем их будет кормить новый хозяин? И как долго придется идти пешком?

– Подойди сюда, девочка, – совсем близко прозвучал низ-

кий голос.

Нок вздрогнула, повернулась. Ог стоял рядом, положив одну руку на плечо Ежа. Тот, опустив голову, переминался с ноги на ногу, а Травка за его спиной бессовестно тарасила глаза на своего нового хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.